

Національна академія наук України
Інститут експериментальної патології, онкології і радіобіології
ім. Р.Є. Кавецького

АКАДЕМІК
ВАДИМ ГРИГОРОВИЧ
ПІНЧУК

*Спогади колег,
рідних, друзів, учнів*

Київ • 2005
ДІА

УДК 616.006-01

Представлені статті про життя і наукову діяльність видатного українського вченого в галузі експериментальної онкології, патології і радіобіології дійсного члена НАН і АМН України, лауреата Державних премій України Вадима Григоровича Пінчука, спогади його колег, близьких, друзів та учнів.

Надається покажчик монографій В.Г. Пінчука та книг, які вийшли за його редакцією.

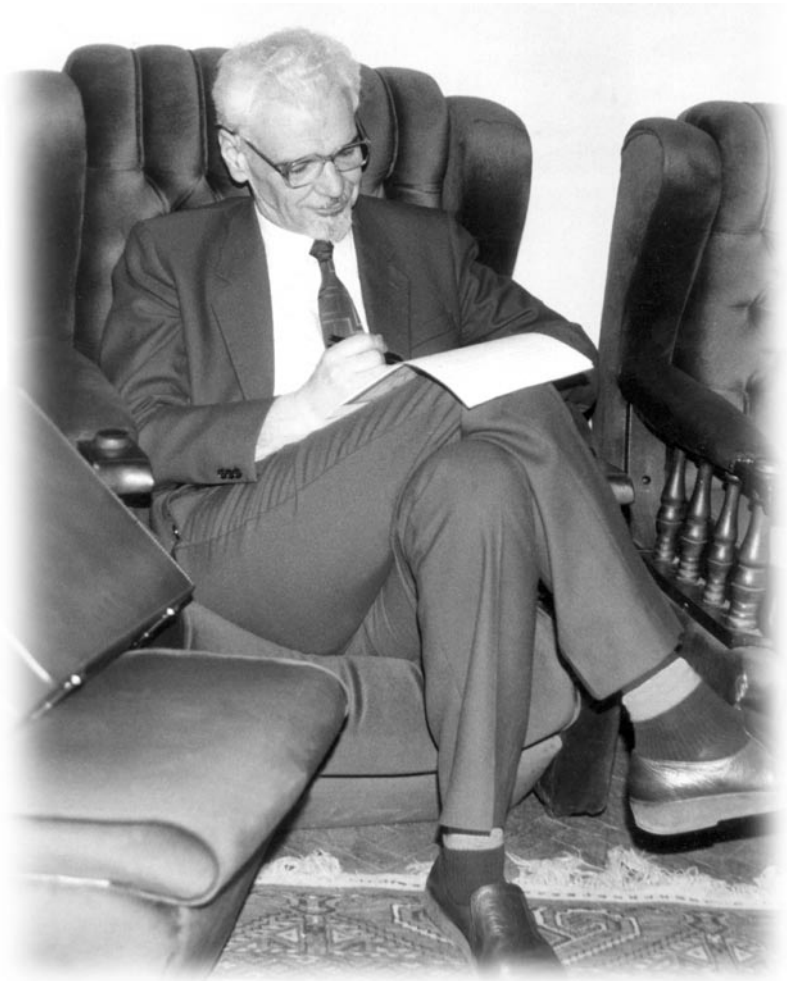
Для представників наукової громадськості, а також для всіх, кого цікавить розвиток вітчизняної науки.

Відповідальний редактор **В.Ф. Чехун**

Секретар П.М. Шкатула

ISBN 966-8311-12-4

© Національна академія наук України
Інститут експериментальної патології,
онкології і радіобіології ім. Р.С. Кавецького

Вадим Григорович Пінчук
1930–1996

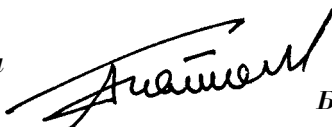
ПЕРЕДМОВА

28 грудня 2005 року виповнюється 75 років з дня народження видатного українського вченого в галузі експериментальної онкології, патології і радіобіології, дійсного члена Національної академії наук України та Академії медичних наук України, двічі лауреата Державної премії України Вадима Григоровича Пінчука.

Він залишив по собі гідну пам'ять і шану та зробив вагомий внесок у розвиток сучасної науки в цілому і зокрема в наукові досягнення Інституту експериментальної патології, онкології і радіобіології ім. Р.Є. Кавецького НАН України.

Я сподіваюсь, що спогади колег, учнів і друзів В.Г. Пінчука стануть яскравою сторінкою в історії розвитку української науки.

Президент НАН України
Академік НАН України

Б.Є. ПАТОН

ВІДДАНІСТЬ ІДЕАЛАМ НАУКИ. ЖИТТЄВИЙ І ТВОРЧИЙ ШЛЯХ В.Г. ПІНЧУКА

У медичній науці не може бути двох світів: світу лабораторії і світу клініки. Існує лише гармонійна єдність, яка спрямована на поліпшення здоров'я та життя людини, і якщо вчений весь свій талант віддає цій високій меті, після нього залишається яскравий слід.

В ці дні виповнюється 75 років з дня народження видатного вченого в галузі експериментальної онкології, патології та радіобіології, талановитого організатора науки, дійсного члена Національної академії наук України та Академії медичних наук України, лауреата Державних премій України Вадима Григоровича Пінчука.

В.Г. Пінчук народився 28 грудня 1930 року в м. Полтаві в сім'ї службовців. Після закінчення Київського медичного інституту ім. О.О. Богомольця він як один з найбільш обдарованих студентів був направлений до аспірантури на кафедру патологічної анатомії, яку очолював проф. Є.І. Чайка, де і почалось формування наукового світогляду та творчих інтересів молодого вченого. Коло наукових проблем, якими займалась кафедра, сприяло поширенню кругозору В.Г. Пінчука, вихованню почуття важливості експерименту як суттєвого етапу у науковій праці. Тут він виконав цикл досліджень по вивченню патологічних змін при променевих ураженнях, викликаних зовнішнім опроміненням та інкорпорованими радіонуклідами, зокрема дією малих доз ізотопів стронцію на кісткову тканину в експерименті.

Починаючи з 1961 р., подальша діяльність В.Г. Пінчука була пов'язана з Інститутом експериментальної патології, онкології

і радіобіології ім. Р.Є. Кавецького НАН України. Становлення В.Г. Пінчука як вченого-дослідника тісно пов'язано з ім'ям академіка Р.Є. Кавецького. Вадим Григорович завжди пишався належністю до наукової школи Р.Є. Кавецького — учня і соратника академіка О.О. Богомольця. Почався новий етап багатопланової та інтенсивної наукової діяльності вченого. В інституті майбутній академік В.Г. Пінчук послідовно пройшов шлях від керівника групи електронної мікроскопії, завідувача відділом цитології пухлинного росту до директора Інституту.

Його дослідження з електронної мікроскопії клітин в процесі хімічного канцерогенезу у печінці та целофанового бластомогенезу у нирках були узагальнені у докторській дисертації (1969), творчими консультантами якої були акад. Р.Є. Кавецький та проф. В.Г. Чудаков.

Вивчення механізмів гострої променевої хвороби В.Г. Пінчук продовжував в кінці 70-х на початку 80-х рр. Ці дослідження були покладені в основу колективних монографій “Синдром ендогенної інтоксикації” (1979) та “Гемосорбція при лечении острой лучевой болезни” (1983). Вперше була дана комплексна оцінка ендогенних токсинів і механізмів їх дії, описано синдром ендогенної інтоксикації, його морфологічні та ультраструктурні прояви. Проведено патогенетичне обґрунтування трансфузійної детоксикації, екстракорпорального очищення крові і лімфи, підсилення функціональної активності фізіологічних, детоксикаційних систем організму. Доведена важлива роль гемосорбції при гострій променевої хворобі, що повністю підтвердилось в часи Чорнобильської трагедії.

Багато років наукової діяльності В.Г. Пінчук присвятив вивченню на субклітинному рівні механізмів пухлинного росту та проблемі антиканцерогенезу, для чого були використані різні експериментальні моделі. На основі отриманих даних про порушення диференціювання пухлинних клітин на ультраструктурному рівні вчений висунув оригінальну гіпотезу про значення пошкодження мембран ергастоплазми клітин у канцерогенезі. В.Г. Пінчук зробив вагомий внесок у дослідження ультраструктури деяких пухлин людини (передміхурової залози, нирок, хордом, множинної міє-

ломи). Він був співавтором монографії “Патологическая анатомия и ультраструктура нодозной гиперплазии и рака предстательной железы” (1977), яка стала першою вітчизняною монографією, де на основі аналізу значного фактичного матеріалу та даних літератури були представлені дані про гістогенез, мікроскопічну будову, гістохімічні особливості та ультраструктуру нодозної гіперплазії та раку передміхурової залози. В монографії приведена власна класифікація морфологічних варіантів будови нодозної гіперплазії та раку передміхурової залози. За монографію “Экспериментальные опухоли печени” В.Г. Пінчуку у 1979 р. було присуджено премію АН УРСР ім. акад. О.О. Богомольця. Це пов’язано з тим, що в монографії викладено унікальний авторський матеріал, присвячений моделюванню за допомогою різних за своєю природою факторів (хімічних канцерогенів, іонізуючого випромінювання, полімерів) гепатобластомогенезу. На основі гістологічних, гістоензимологічних та електронно-мікроскопічних методів дослідження вивчена динаміка змін тканин печінки від початкового ушкодження до формування пухлин. Книга викликала значний інтерес серед біологів і лікарів, фахівців в галузі експериментальної і клінічної онкології.

У 1980 р. за редакцією М.О. Краєвського, В.Г. Пінчука та Н.Т. Райхліна було видано збірник “Ультраструктура и гистохимия нормальных и опухолевых клеток”. Одним з основних напрямків діяльності В.Г.Пінчука, які пройшли через багато етапів його творчої діяльності, були питання автоматизації цитологічних досліджень в онкоморфології, отримання моноклональних антитіл методом гібридомної технології, нових імуногістохімічних методів та їх застосування у діагностиці пухлин.

Проведені під його керівництвом та безпосередньою участю дослідження стали основою нових уявлень про клітинні основи канцерогенезу. Результати цих досліджень були викладені в монографіях “Клонально-селекционная концепция опухолевого роста” (1987), “Современные методы автоматизации цитологических исследований” (1988), “Иммуноцитохимия и моноклональные антитела в онкогематологии” (1990), “Структура тимуса и дифференцировка Т-лимфоцитов” (1991), які отримали міжнародне ви-

знання. Ці монографії присвячені найактуальнішим проблемам онкології, не втратили свого значення і на даний час. Зокрема в монографії “Клонально-селекційна концепція опухолевого росту” розглядаються механізми злоякісної трансформації, роль стовбурових клітин в канцерогенезі та лейкозогенезі. Тут слід згадати, що вивчення стовбурових клітин в сучасній медицині розглядаються як один із найбільш перспективних напрямків. В монографії приводяться оригінальні дані відносно того, що клони пухлинних клітин в межах однієї і тієї ж пухлини розрізняються між собою за багатьма ознаками, такими як чутливість до протипухлинних препаратів, резистентність до дії захисних сил організму, здатність до метастазування, диференціювання. На основі власних досліджень та даних літератури автори сформулювали клонально-селекційну концепцію виникнення пухлин.

В експериментальній та клінічній медицині, особливо в цитології, гематології, імунології, однією з важливих задач є об'єктивізація та автоматизація досліджень. Проблема автоматизації цитологічних досліджень включає багато задач по вивченню морфологічних, біохімічних і біофізичних властивостей клітин, які є складними мікрооб'єктами зі специфічними структурами і функціональними особливостями будови. Певний вклад в цю проблему вніс В.Г. Пінчук, підсумувавши свої дослідження в тематичній науковій монографії.

Значну увагу В.Г. Пінчук приділяв вивченню структури та функції підгрудинної залози. В процесі цих досліджень були охарактеризовані процеси, з якими пов'язаний розвиток Т-лімфоцитів; міграція диференціювання, проліферація, селекція клітин, а також гуморальних і клітинних факторів, які забезпечують функціонування цих процесів. Вперше була описана реакція тимусу на дію зовнішніх факторів, зокрема радіаційне опромінення і його вплив на імунну систему. В.Г. Пінчук вважав, що імунна система займає ключові позиції, як в боротьбі з пухлинною хворобою, так і в попередженні її виникнення. В експериментальних дослідженнях було показано роль лімфоцитів в антибластомних реакціях організму та модифікація проти-

пухлинних реакцій лімфоїдних клітин імунними комплексами і клітинами-супресорами. Крім того, було доведено, що лімфоцити можуть не тільки пригнічувати розвиток пухлин, а й стимулювати пухлинний процес.

Після смерті у 1978 р. засновника Інституту акад. Р.Є. Кавецького В.Г. Пінчук очолює школу вітчизняних онкологів — експериментаторів. Разом з колективом науковців Інституту він продовжив подальший розвиток заснованого Р.Є. Кавецьким напрямку про механізми взаємодії пухлини та організму. За досягнення в цій галузі разом з групою провідних вчених Інституту у 1984 р. В.Г. Пінчук отримує Державну премію України в галузі науки і техніки. Як послідовник наукових ідей акад. Р.Є. Кавецького, В.Г. Пінчук продовжує вивчення ролі стресу у виникненні злоякісної пухлини та її метастазуванні, і у 1986 р. узагальнює ці результати у колективній монографії “Cancer, Stress and Death”, яка була надрукована у США.

За 18 років, коли на посаді директора був В.Г. Пінчук, Інститут залишався провідним науковим центром, де на сучасному рівні вивчались молекулярні та клітинні механізми канцеро- та лейкозогенезу, проблеми біології пухлинної клітини, протипухлинної резистентності організму, екологічної онкології та епідеміології пухлин.

Останні 10 років життя В.Г. Пінчук увесь свій досвід та талант науковця спрямовує на організацію робіт, пов’язаних з медико-біологічними аспектами аварії на ЧАЕС. Під його керівництвом і за безпосередньою участю була сформульована концепція “Україна проти раку після Чорнобиля”, проводились дослідження віддалених наслідків дії малих доз іонізуючого опромінення на організм людини та тварин. Результати досліджень були узагальнені у монографії “Радиобиологические аспекты аварии на Чернобыльской АЭС” (1992), перекладеній на німецьку мову і надрукованій у Німеччині. В монографії висвітлені сучасні уявлення про біологічну дію малих доз радіації, викладені результати досліджень на тваринах, які утримувались в умовах постійної дії радіації низької інтенсивності в зоні Чорнобильської АЕС. Описана динаміка накопичення та розподілу радіонуклідів в тканинах

і органах, зміни гемопоезу, морфологічні та ультраструктурні зміни, вільно радикальні процеси та стан ферментативних систем окислення, деякі стохастичні та нестохастичні віддалені наслідки променевого пошкодження.

За дослідження імуноморфологічних основ протипухлинної резистентності В.Г. Пінчуку посмертно у 1998 р. була присуджена друга Державна премія України в галузі науки і техніки. Успіху наукових пошуків вченого в значній мірі сприяло те, що Вадим Григорович глибоко обмірковував отримані факти, міг чітко і обґрунтовано систематизувати і узагальнювати численні факти, давати їм логічне пояснення.

В.Г. Пінчук залишив велику наукову спадщину. Йому належить більше 300 наукових праць, які відносяться до різних розділів теоретичної та експериментальної онкології, серед яких 15 монографій. Наукові праці В.Г. Пінчука розкривають не тільки оригінальність і сміливість напрямку його досліджень, але і вміння зв'язати результати фундаментальних досліджень з актуальними науковими потребами сучасності.

Незважаючи на завантаженість науковою працею, В.Г. Пінчук завжди знаходив час для великої суспільної та науково-організаційної діяльності. Він був головою Координаційної ради “Злоякісні новоутворення” НАН України, заступником голови постійно діючої комісії при Президії НАН України з ліквідації наслідків аварії на ЧАЕС, членом Ради директорів інститутів онкології, рентгенології та радіології країн СНД, головою спеціалізованої ради по захисту докторських дисертацій за спеціальністю “онкологія” та “радіобіологія”. На протязі багатьох років В.Г. Пінчук був заступником академіка-секретаря Відділення молекулярної біології, біохімії, експериментальної та клінічної фізіології НАН України, головним редактором міжнародного науково-теоретичного журналу “Экспериментальная онкология”, членом редколегій журналів “Вопросы онкологии”, “Український радіологічний журнал”, “Anti-cancer Research”. Але організаційна діяльність ніколи не відсувала на другий план його відданість науці. Він любив свій Інститут, свій відділ і залишався до кінця експериментатором — отже, творчою людиною.

Діяльність академіка НАН України і АМН України В.Г. Пінчука та його внесок у вітчизняну науку були належно відзначені багатьма урядовими нагородами.

Вадим Григорович прожив у науці успішне та плідне життя. Як наслідок свого таланту, працьовитості та професійної захопленості, він завжди реалізовував свої задуми, які отримали визнання на батьківщині та за кордоном. Вадим Григорович був дійсно інтелігентною, доброю, м'якою та легко уразливою людиною. Всі ці якості він завжди приховував за іронічною посмішкою, необразливим для оточуючих жартом. У цьому була особлива чарівність його особистості. Людяна незаурядність зробила його уразливим перед суворими реаліями життя.

Ми завжди будемо пам'ятати цю ширу і талановиту людину, видатного вченого і організатора науки, його внесок в сучасну експериментальну онкологію та радіобіологію в цілому і зокрема в науковий розвиток нашого Інституту.

*Член-кореспондент НАН України
В.Ф. ЧЕХУН*

ТАЛАНОВИТИЙ ВЧЕНИЙ, ІНТЕЛІГЕНТНА ЛЮДИНА

В пам'яті людей, які мали щасливу нагоду спілкуватися з Вадимом Григоровичем Пінчуком, назавжди залишився образ доброзичливої, інтелігентної, надзвичайно толерантної людини. Йому були притаманними пошук компромісу й уникнення будь-яких суперечок, винятком були лише наукові дискусії, в яких він принципово відстоював свою точку зору, і начебто соромився, коли робив цілком слушні зауваження.

Я познайомився з Вадимом Григоровичем в 1957 році, коли він після закінчення аспірантури на кафедрі патологічної анатомії Київського медичного інституту почав працювати в Інституті гігієни праці та профзахворювань. В той час я очолював одну з лабораторій цього Інституту. Молодих науковців у нас було не так багато, тому поява В.Г. Пінчука запам'яталася. Завдяки притаманній йому дружелюбності, він відразу став своїм в колективі.

Його кандидатська робота була присвячена патоморфологічним змінам в організмі під впливом комбінації інфекції та іонізуючої радіації. Тому його можна вважати одним з піонерів вчення про комбіновану дію іонізуючого випромінювання та інших чинників. Цей новий напрямок радіаційної гігієни та радіобіології був підхоплений в радіологічній лабораторії Інституту гігієни праці та в інших наукових закладах України. В ті часи Інститут багато уваги приділяв оздоровленню умов праці в металургійній промисловості, де, як відомо, одними з головних шкідливих чинників на робочих місцях була висока температура повітря та променеве випромінювання. Вивчення комбінаційного впливу цих чинників на здоров'я працюючих стало одним із напрямків досліджень. В ті часи в металургії широко застосовувалися

в мартенівських цехах для вивчення технологічних процесів плавки металів такі радіонукліди як ^{32}P , ^{35}S та ^{45}Ca , які могли надходити в повітря робочої зони. Тому було вирішено вивчати комбіновану дію цих чинників на організм як у виробничих умовах, так і в експерименті. Результати досліджень лягли в основу кандидатських дисертацій Ц.П. Медведовської, В.П. Пугачевського та докторської дисертації Л.О. Добровольського. Таким чином, ідея Вадима Григоровича Пінчука про комбіновану дію радіації та чинників нерадіаційної природи дала потужний творчий імпульс, а потім стала однією з головних парадигм при ліквідації наслідків аварії на ЧАЕС.

Морфологічним дослідженням, які він проводив в лабораторії радіології Інституту гігієни праці та профзахворювань, була притаманна ретельність при проведенні досліджень і обережність при формуванні висновків. Вже на початку свого наукового шляху Вадим Григорович вражав своєю науковою та загальною ерудицією. Виходячи з цього, він був запрошений і працював за сумісництвом у Вченій раді Міністерства охорони здоров'я. Він був генератором ідей, які не старіють з часом, а навпаки, охоплюють все ширші сфери медичної науки. Співробітники старшого покоління Інституту гігієни праці та профзахворювань (нині Інститут медицини праці АМН України) пам'ятають високого, статного молодого науковця, який під час роботи в Інституті зробив значний науковий внесок, піднімав науковий та методичний рівень досліджень. Вже тоді можна було б передбачати, що наукові здібності Вадима Григоровича Пінчука виведуть його на вершини української науки.

В 1990 році, коли було створено Відділення проблем медицини НАН України, мої зустрічі з В.Г. Пінчуком після тривалої перерви знову стали регулярними. В той час він уже був директором Інституту проблем онкології ім. Р.Є. Кавецького, членом-кореспондентом НАН України. Серед членів новоствореного відділення В.Г. Пінчук був найбільш обізнаним щодо писаних і неписаних норм і правил академічного життя. Тому його було обрано заступником Академіка-секретаря цього відділення.

Ми часто радилися з приводу подолання кризи, яка обумовила вкрай важке становище наших інститутів на початку 90-х років.

Я добре пам'ятаю, як він по-справжньому вболівав за долю свого Інституту, кожного свого співробітника. Саме тоді розпочався реформаторський зуд, який, на превеликий жаль, триває і зараз. Лунали пропозиції щодо об'єднання академічного Інституту проблем онкології з Інститутом онкології МОЗ України. Треба сказати, що позиція В.Г. Пінчука була принциповою й безкомпромісною. При підтримці Президента НАН України Б.Є. Патона йому вдалося відстояти інтереси академічної науки в галузі онкології.

Характерною була поведінка Вадима Григоровича під час виборів його в дійсні члени НАН України. На відміну від інших, він якось соромливо розповідав про свої наукові досягнення, і не дозволяв собі ніякої самореклами, що досить часто трапляється під час виборів. В дружніх розмовах я не раз казав йому, що його скромність надмірна, інколи вона заважає досягти більших успіхів.

Я був знайомим з батьками Вадима Григоровича Пінчука. Вони були яскравими представниками радянської інтелігенції. Його батько Григорій Павлович Пінчук після багаторічної активної державної, партійної та громадської діяльності, після тяжкої хвороби, уже перебуваючи на пенсії, не змінив своїх уподобань, продовжував цікавитися сучасною літературою та мистецтвом. Він добре знав українську класику, був неабияким знавцем українського живопису, пам'ятаю його критичні виступи на виставках сучасних художників. Народився він на Полтавщині. Частенько пропонував мені разом поїхати в його рідне село. Я обіцяв, але на жаль здійснити цю мрію через тяжку хворобу він не зміг.

*Академік НАН України
Ю.І. КУНДІЄВ*

ПАМЯТИ ДРУГА

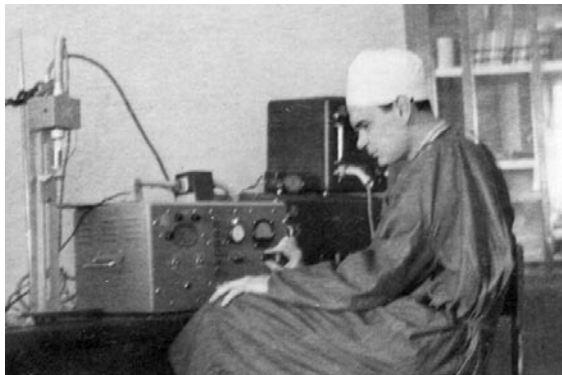
Долго думал я, с чего начать и что именно сказать о Вадиме. Слишком много воспоминаний самых разных, очень долго нас связывала жизнь, слишком еще горячо чувство утраты. И утрата эта была такой внезапной, такой немотивированной. Итак, Вадим. Познакомились мы в институте, на втором курсе. Страшно подумать — это было более 55 лет тому назад. Но и сейчас перед глазами — высокий, худой, постоянно с улыбкой, всегда дружелюбный. Мы были в разных группах, но я прекрасно помню, какая у Вадима была чудесная репутация, порядочного, обаятельного товарища. И еще, у Вадима был, как бы теперь сказали “крутой отец”, а раньше было такое слово — “номенклатурный”. Но никогда, ни в чем это не было заметно по Вадиму. Думаю, что это и заслуга семьи. Григорий Павлович, отец Вадима, был знаком с моим отцом, который вспоминал его по совместной работе в Харькове и всегда с уважением, в том числе и к его человеческим качествам. Помню в компании Вадима — Володю Саца, бывшего фронтовика, человека с огромным чувством юмора. Вот, думаю, на этой почве они и подружились. Володя был очень маленького роста, и они вдвоем выступали в самодеятельности, как Тарапунька и Штепсель или как Пат и Паташон. И незаметно мы сдружились с Вадимом так, что все праздники, особенно Новый год, дни рождения стали проводить вместе. Компания Вадима стала и моей, особенно Володя Мазепа и Наташа Кавецкая, а мои друзья — Юра и Людмила Мохнюки стали и его друзьями. Или уже не только его, но и Люды Столяровой, которая стала Людой Пинчук. Я не могу раздельно писать о них — это была органичная пара, так чудесно дополнявшая друг друга. Все, что было нужно Вадиму, было у Люды, и наоборот, все, в чем нуждалась Люда —

это было у Вадима. Шли годы. Вадим успешно продвигался по научной стезе. Люда нисколько не отставала. Часто их научные интересы даже переплетались, даже в составе лауреатов Государственной премии они были вдвоем, к вящему удивлению власть предержащих. Мы виделись не так, чтобы очень часто, но всегда с радостью и удовольствием от общения. Появились традиции — так в доме у Пинчуков у меня было свое кресло, и никто из его гостей, по крайней мере при мне, на него не претендовал. Подростал сын Юра, ставший нашей семье, как родной. Вот еще одна особенность Вадима Пинчука — с годами он не менялся, не старел душой, оставался мальчишкой, в хорошем смысле этого слова. Вадим любил живопись, думаю это у него от отца. Григорий Павлович собрал великолепную коллекцию закарпатских художников и завещал ее музею у себя на Родине, что и было свято выполнено. Казалось, все протекает успешно, нормально. Но как понимать эту внезапную трагедию? Не могу в связи с этим не сказать о следующем. Позвонил Вадим как-то и сказал: “Леня, ты был в новых районах города, на новых линиях метро?” Я сказал, что не был, и он предложил поехать вместе и посмотреть. Мы выходили на каждой новой станции метро, и Вадим с изумлением смотрел, а потом сказал: “Пока мы работали, ничего не замечая, появились новые люди, новые города, новая жизнь”. Сказал он это с такой грустью и тоской, а через несколько месяцев его не стало. Какая здесь связь я не знаю, но ничего другого у меня нет.

Вот уже сколько лет нет Вадима. Но три раза в году обязательно мы у Люды, бываем иногда и чаще, но три раза обязательно. Это дни рождения Вадима и Люды, и годовщина его смерти. Люди все те же, что и при Вадиме, но их, увы, все меньше и меньше. За окнами текут и мелькают годы, события, власти, а дома у Пинчуков, как у Турбиных — интеллигентно, порядочно, достойно. Мужественная Люда свято бережет память нашего прекрасного друга и думаю, что это будет до тех пор, когда вспоминать уже будут нас.

*Чл. -корр. НАН Украины,
академик АМН Украины
Л.Г. РОЗЕНФЕЛЬД*

Студент Вадим Пинчук проводит исследования тонкого среза ткани на наличие радиоактивности с помощью счетчика Гейгера-Мюллера на кафедре медицинской радиологии Киевского медицинского института.
Киев, 1953 г.

Вадим Григорьевич — сотрудник группы электронной микроскопии Украинского НИИ экспериментальной и клинической онкологии МЗ УССР. *Киев, 1961 г.*

Вадим Григорьевич с сотрудниками лаборатории электронной микроскопии Института.
Киев, 1963 г.

Вадим Григорьевич Пинчук за работой с микроскопом. *Киев, 1964 г.*

“Урок” по вскрытию экспериментального животного, проводимый профессором Валентином Георгиевичем Чудаковым. *Киев, 1966 г.*

Рабочие встречи сотрудников Института с директором Лондонского Королевского противоракового института проф. Т. Саймингтоном в рабочих кабинетах.
Р.Е. Кавецкого
и В.Г. Пинчука.
Киев, 1973 г.

Вадим Григорьевич Пинчук и проф. К.П. Балицкий на “субботнике” в Институте.
Киев, 1973 г.

Сотрудники лаборатории
электронной микроскопии
Д.И. Ланцов,
В.Л. Лифшиц,
Вадим Григорьевич
Пинчук, В.Г. Квачев,
В.Е. Лихтенштейн,
сидит В.В. Никитченко.
Киев, 1973 г.

В.Г. Пинчук выступает
с докладом о жизненном
и творческом пути
академика АН УССР
Р.Е. Кавецкого на торже-
ственном собрании,
посвященном 75-летию
со дня его рождения.
Киев, 1 декабря 1974 г.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

С Вадимом Григорьевичем Пинчуком я встретился в сентябре 1964 года, когда поступил в аспирантуру Украинского НИИ экспериментальной и клинической онкологии МЗ УССР и впервые пришел в Институт. Нас, новых аспирантов, меня и М.А. Барановского знакомили с лабораториями Института. Вадим Григорьевич в то время руководил группой электронной микроскопии, и в его лаборатории мы впервые в жизни увидели, как выглядит клетка под электронным микроскопом. Он только вернулся из Франции, где проходил стажировку в лаборатории проф. В. Бернара, был полон идей и творческих замыслов, которые ему хотелось реализовать.

Так как наши подразделения располагались рядом, сотрудники дружили между собой, делились своими производственными и бытовыми проблемами, вместе отмечали все праздники. Я часто бывал в их лаборатории, сотрудники которой Л.А. Зотиков, Б.Д. Монастырская и другие изучали новые методы превращения нормальной клетки в опухолевую. Вадим Григорьевич в то время был увлечен митохондриями. У него была обширная коллекция электроннограмм этих органелл, которую он с гордостью демонстрировал. Именно в митохондриях он обнаружил повреждения структуры, которые появлялись на ранних стадиях действия химических канцерогенов на клетку. Хотелось отметить его энергию, трудолюбие, тщательность и осторожность, с которой он подходил к трактовке выявленных структурных изменений в клетках. Он всегда требовал и просматривал максимально возможное количество материала, чтобы сделать окончательные выводы. Этим он подавал пример нам, молодым ученым, только еще начинающим свой путь в науке. Вадим Григорьевич никогда не отказывал в

помощи, когда к нему мы обращались с самыми различными просьбами. Он всегда давал нужные советы.

Несмотря на свое высокое положение и занятость, Вадим Григорьевич всегда старался принять участие во всех общественных мероприятиях Института, как обустройство новых зданий, установка оборудования, спортивные соревнования. Помню, на лыжных соревнованиях в Пуше-Водице команда во главе с Вадимом Григорьевичем заняла призовое место среди научно-исследовательских медицинских институтов.

В дальнейшем, с 1971 года, как ученый секретарь Института, я работал непосредственно под руководством Вадима Григорьевича, которого Ростислав Евгеньевич Кавецкий назначил своим заместителем по научной работе. Это был очень сложный период реорганизации и перехода Института в Академию наук УССР.

Уровень научно-исследовательских работ в академических учреждениях был выше, чем в системе министерства здравоохранения. Ростислав Евгеньевич и Вадим Григорьевич приложили много сил, чтобы перестроить научную работу подразделений Института в соответствии с академическими требованиями и сохранить его материальную базу. Вадим Григорьевич блестяще справлялся с заданиями, которые ставил перед ним директор. На заседаниях дирекции, которые проходили очень демократично, оживлено обсуждались различные вопросы жизни Института, Вадим Григорьевич не раз находил не тривиальные решения трудных задач. Успешно прошли все академические и государственные инстанции и были утверждены название Института, его научные направления, структура, численность, и семья академических институтов пополнилась еще одним сильным научным учреждением. Не забывал Вадим Григорьевич и о своей научной работе, в этот период им была написана монография.

После перехода нашего Института в Академию наук УССР, мы стали реально помогать научно-исследовательским учреждениям министерства здравоохранения и других ведомств, работающих в области медицины. В связи с этим Отделение биохимии и физиологии АН УССР стало называться Отделением биохимии, физиологии и теоретической медицины. Для координации этой

работы в Отделении Ростислав Евгеньевич рекомендовал Вадима Григорьевича. Вскоре его назначили заместителем академика-секретаря. Большая научная и научно-организационная работа, которую вел Вадим Григорьевич, не осталась незамеченной среди членов Академии и научной общественности. Он был избран членом-корреспондентом АН УССР.

В этот период за монографию, посвященную изучению гепатоканцерогенеза, ему присуждается премия им. А.А. Богомольца. Вадим Григорьевич расширяет круг своих научных интересов — начинает заниматься морфо-функциональными характеристиками клеток иммунной системы. Написанная им в соавторстве с проф. Ю.А. Уманским монография обобщает результаты этой работы.

Уровень его научных знаний, трудолюбие, преданность делу, принципиальность, требовательность к себе, доступность и человечность вызывали уважение не только ведущих ученых, но и рядовых сотрудников Института. Поэтому, после смерти Ростислава Евгеньевича Кавецкого, кандидатура В.Г. Пинчука на пост директора Института была наиболее оптимальной. Постановление Президиума Академии наук о назначении Вадима Григорьевича Пинчука директором Института мною, как и большинством сотрудников, было воспринято с радостью.

*Доктор мед. наук
Е.А. БАГЛЕЙ*

УЧЕНЫЙ-РОМАНТИК

С годами приходит особенно острое осознание того, что потеря близкого человека не восполняется ни в душе, ни в жизни, нигде. И чем ярче человек, чем больше его индивидуальность, тем понимание этого становится особенно выраженным. Это в полной мере относится к Вадиму Григорьевичу Пинчуку, который оказался незаменимым как Человек, как Личность, как Ученый.

Добрый, умный, интеллигентный (с той особой внутренней интеллигентностью, которая резко контрастирует с показной), романтик, часто походивший на большого ребенка, озабоченного тем, чтобы кого-то не обидеть, чтобы кому-то не сделать неприятно. Такое восприятие Вадима Григорьевича возникло у меня сразу же при первом нашем знакомстве более сорока лет тому назад и осталось таким навсегда. Человек чрезвычайно многогранный, он любил природу в любое время года, любил цветы, любил собирать грибы, любил музыку, любил живопись. Можно сказать, что он любил красоту во всех ее проявлениях. Во многом поэтичный, он не был чужд и некоторой сентиментальности, был удивительно дружелюбен и всегда покорял тех, кто с ним общался, этими своими качествами. Всем своим обликом и поведением он опровергал распространенное представление (возможно не всегда верное), что морфологи в силу специфики своей профессии несколько суховаты и не всегда склонны выходить за свое поле зрения. Он любил все и мог радоваться всему. Самое главное, он любил людей, которые, как правило, отвечали взаимностью. Однако были и такие, которые пользовались этим, не всегда удерживаясь на грани дозволенного.

По своим характерологическим особенностям Вадим Григорьевич был типичный ученый, но жизнь сложилась таким образом, что ему пришлось стать и администратором. 18 лет на посту директора института — большой срок, но он не приобрел

за этот период ни одного из негативных качеств, которые, к сожалению, нередко приобретают другие в аналогичных условиях. Это легко объяснимо не только его личными качествами, но и наглядным многолетним примером, каким для него был Р.Е. Кавецкий. Длительное администрирование не отразилось и на его принципиальности ученого. Так, например, он страстно отстаивал обоснованную концепцию вредного влияния малых доз облучения в период после аварии на ЧАЭС. За этим стояли люди, их здоровье, и это оказалось доминирующим. Нельзя не вспомнить, что оппонентами были авторитетные ученые, курирующие проблему последствий аварии на ЧАЭС.

Вадим Григорьевич очень любил науку и свой электронный микроскоп, в котором он видел то, что не всегда удавалось увидеть другим, радовался, когда получали новые интересные факты, и огорчался, что не может все время уделять чистой науке. Именно поэтому многие у нас и за пределами нашей страны помнят его как ученого и говорят о нем с большой теплотой. И совсем недавно, уже в текущем году, находясь на научном съезде за пределами нашей страны, мне было очень приятно услышать, как о нем — ученом и человеке — отзывались очень авторитетные специалисты в области электронной микроскопии.

Весь облик В.Г. Пинчука неизменно приводил к ощущению, что у него не может быть недоброжелателей. По большому счету, так и было. Трагический уход Вадима Григорьевича из жизни и его тончайший внутренний мир полностью взаимосвязаны. Человек с такой внутренней организацией не мог принять многое. Середина 90-х годов, как известно, была трудными годами для страны. Естественно, они оказались трудными и для Академии наук — экономические проблемы отражались во всем. Такому человеку как Вадим Григорьевич, который чрезвычайно остро воспринимал сложившуюся ситуацию, было особенно трудно. Большинство сотрудников это понимали, а соответственно понимали и обоснованность претензий к нему как к директору. Большинство, но не все. Были и такие, которые именно в такой трудный период решили предъявить свой счет. Это потрясло Вадима Григорьевича. Потрясением оказалось и отсутствие необходимой поддержки

многих из тех, которые, казалось бы, должны были сказать свое слово. Это было мощным толчком к последующей трагедии. Он не мог смириться со всем, не мог смириться и ушел.

Прошло уже много лет, но я часто думаю, и прихожу к неизменному выводу о том, что его уход не был проявлением слабости. Навсегда запомню, как за два дня до трагедии я зашла к нему в кабинет после приезда из командировки. Меня поразило отсутствие обычной улыбки и отсутствие характерной для него приветливости. Были только бесконечно грустные глаза и отрешенное выражение лица. Разговор зашел все о тех же институтских делах. Ничего не изменилось, проблемы остались те же, но степень реагирования Вадима Григорьевича на происходящее приняла еще большую остроту. В этой остроте повышенного реагирования, как я поняла (и у меня есть основания полагать, что это было именно так), лидировали переживания морально-этического плана, причиной которых было поведение отдельных лиц. Наш разговор не был продолжительным, но предельно ясным. Есть вещи, о которых не следует вспоминать. Но я не могу забыть, как на мое замечание о том, что в этой ситуации нельзя ничего изменить, что нужно уйти от всего, сесть за электронный микроскоп и заняться любимым делом, неожиданно последовал очень решительный ответ, который сопровождался, наконец, появившейся улыбкой: “Нет, можно!”. На вопрос: “Как?”, все с той же улыбкой, убежденно, конкретно и решительно Вадим Григорьевич ответил. Если бы знать, что это была не шутка. Через два дня он также решительно это сделал.

Прошло почти 10 лет. Я не знаю, что думают (и думают ли вообще) те, кто не смог понять внутренний мир Вадима Григорьевича и принесли ему много незаслуженной боли. Его нет. Но остаются такие важные понятия, как мораль и этика. Эти понятия не девальвируются и, несомненно, мне очень жаль тех, кто ими пренебрегает.

И еще. Жизнь показывает, что только светлый человек, а именно таким был Вадим Григорьевич Пинчук, оставляет о себе светлую память, и помешать этому ничто и никто не может.

*Доктор мед. наук профессор
Н.М. БЕРЕЖНАЯ*

ВАДИМ ПИНЧУК НА ЭКРАНЕ ЭПОХИ

Память — это не просто история, хотя на таком непостижимом фундаменте, если говорить о движении мысли и знаний, зиждется прогресс науки, просвещения, культуры. Есть и иные портреты в таком необходимом постижении тайны личности, продолжающей, быть может, по мистическим причинам жить в нашем сердце. В попытке духовного бессмертия... В этом кристалле вечности вертикаль научных достижений того или иного героя времени останется лишь схемой без красок эмоций, каких-то психологических оттенков либо, наоборот, казалось бы, отстраненного, однако не тускнеющего восприятия. Как раз в таком ключе я и попытаюсь обрисовать штрихи некоторых встреч с Вадимом Григорьевичем Пинчуком.

Столица в экспрессии нашей молодости и в дымке ностальгических воспоминаний: в Киевском медицинском институте им. акад. А.А. Богомольца мы учились на параллельных курсах. Это был набор 1948 года, и мы еще не представляли, в какие противоречивые, интригующие, часто трагические, но, несомненно, выдающиеся десятилетия вступаем. Я занимался на педиатрическом факультете, а Вадим Пинчук — на лечебном, однако все мы друг друга знали, во всяком случае, в лицо. Чем-то, наверное, органичной скромностью, высокий с вдумчивым лицом Вадим сразу же вызывал симпатию. Вообще его курс дал плеяду звезд на медицинском Олимпе. С другой стороны, в первые послевоенные годы наши поколения учились вместе, в единых потоках с недавними фронтовиками. Завоевать авторитет и тем более любовь, а я говорю о недавних десятиклассниках, в этом неординарном ряду было не так легко. Насколько я помню, к Вадиму сокурсники относились с глубокой нежностью. Да, он был отличником, однако не некоей блистающей звездой. И никогда не выделялся своей, что ни говорите, принадлежностью к элите государства, к ее некоронованной аристократии. Ведь его отец был определенный период министром просвещения Украины, сменив, кажется,

на этом посту знаменитого поэта П.Г. Тычину. Совершенно ясно, что данная должность предполагала и наличие высокой собственной просвещенности, и интеллектуализма, и настоящий книжный мир в доме. В подобном смысле, причем далеко не формальном, Вадим Григорьевич был, бесспорным, потомственным интеллигентом. Но в том-то и дело, что такие люди никогда не подчеркивают этого. Просто такова их природа...

Говоря откровенно, последующие наши метаморфозы протекали на различных жизненных орбитах. Я прошел “академию провинции”, работал врачом — фтизиатром и все более погружался в литературу и журналистику. Я думаю, так было predetermined. А встретились мы повторно, и уже не на мгновение, не на каком-то городском перекрестке, или медицинской библиотеке, а в Институте экспериментальной и клинической онкологии МЗ УССР, созданном Ростиславом Евгеньевичем Кавецким. Академик Р.Е. Кавецкий, очевидно, совершенно безошибочно разглядел в молодом ученом достойного последователя и премника и пригласил его работать вместе.

Поскольку с Ростиславом Евгеньевичем у нас установились трогательные для меня весьма плодотворные творческие взаимоотношения, помню оба его дома — на бывшей Фундуклеевской и нынешней Владимирской, долгие беседы, ауру общения, старые записные книжки. Иногда я бывал и в Институте, руководимом этим провозвестником экспериментальной онкологии. И как раз в эти часы видел Вадима Григорьевича и радовался этому.

Не вдаваясь в научные подробности, о чем, конечно, будет сказано в иных публикациях, можно с полным правом сказать, что доктору медицинских наук В. Пинчуку, а диссертация была защищена в 1969 году, и ко времени неожиданного ухода Р. Кавецкого, его ближайший ученик сформировался как достойный “научный режиссер”, несомненно, удалось достойно развить и обогатить наследие учителя. Институт продолжал находиться на высоком уровне международного признания в своей многотрудной отрасли. Он, в частности, интенсивно развивал, благодаря тесному сотрудничеству В.Г. Пинчука и А.И. Шевко, прецизионное приборостроение, в рамках опытного производства Института,

без которого, было немыслимо всестороннее изучение свойств и тенденций злокачественного роста, на клеточном основополагающем уровне. Развивались гибридные технологии получения моноклональных антител. Оговариваюсь, что я никак не претендую на освещение научного вклада академика В.Г. Пинчука в обновление Института. Не будет лишним заметить, что эстафету подхватил и достойно продолжает эволюцию Института один из самых молодых в то время коллег Вадима Григорьевича, ныне член-корреспондент НАН Украины Василий Федорович Чехун. Моя задача сугубо локальная — попробовать взглядеться в последние встречи с Вадимом Григорьевичем, в их тогда неясные, а на самом деле значимые детали.

Я решил, в середине девяностых годов, подготовить для газеты “Правда Украины” интервью с В.Г. Пинчуком о работе и перспективах Института. Вадим Григорьевич встретил меня радушно, я бы сказал, сердечно. При подготовке материала я немало беседовал с Д.Ф. Глузманом, Н.М. Бережной, и особенно с В.Ф. Чехуном, тогда ученым секретарем Института: готовился достаточно сложный научный материал. Потом мы его согласовывали с Вадимом Григорьевичем, он в манере, присущей и Р.Е. Кавецкому, практически ничего в нем не правил. Публикация вот-вот должна была выйти, и вдруг произошло то, что произошло... Спустя несколько дней, интервью все-таки появилось в газете, с необходимой сноской, и я испытываю некоторое нравственное удовлетворение, что этот свет угасшей звезды, несмотря на печальные обстоятельства, тогда все же возгорелся. Ведь это было, кажется, последнее интервью с ним.

Не берусь анализировать истоки случившегося, и судить о чем-то, но можно с абсолютной правдой и глубокой болью сказать, что Вадим Григорьевич до последнего момента оставался рыцарем долга. Что же, каждый из нас чуть-чуть виновен, что не разглядел его переживаний, не увидел назревавшей нестерпимой тоски. Главный урок, который он как бы оставил нам — беречь друг друга как самого ближнего. Какие бы времена и невзгоды нам не грозили...

Ю.Г. ВИЛЕНСКИЙ

МГНОВЕНИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Он рано ушел из жизни. Но успел оставить яркий неизгладимый след в науке, занятия которой были его призванием, и в памяти родных, сотрудников и учеников, имевших счастье трудиться рядом с ним.

“О, память сердца, ты сильнее рассудка памяти печальной” — эти слова поэта К.Н. Батюшкова невольно приходят на ум, когда думаешь о Вадиме Григорьевиче, с которым виделся почти ежедневно на протяжении 35 лет. А вспоминаешь его с каждым годом все чаще и чаще. И видишь его не только как крупного ученого-онколога и патолога, автора фундаментальных трудов, организатора науки, а как близкого человека, старшего товарища, с которым хотелось бы поделиться своими мыслями и проблемами и услышать его мнение.

Жизнь соткана из отдельных мгновений. Счастливыми из них являются немногие, особенно для таких людей как Вадим Григорьевич. Мне кажется, что по-настоящему счастлив он был в те редкие минуты, которые мог посвятить научным исследованиям, обдумыванию и подготовке статей. В это он вкладывал всю душу. А платой за столь редкие драгоценные мгновения были долгие часы и дни, когда он был вынужден заниматься администрированием, написанием многочисленных официальных документов. Даже отчеты по темам, выполненным сотрудниками его отдела, он, будучи человеком чрезвычайно деликатным и обязательным, писал сам, не поручая это дело своим старшим помощникам.

В 60-70-х годах я помню его совсем молодым — руководителем группы электронной микроскопии, необычайно увлеченным своей работой. Вадим Григорьевич был интеллигентным, широко образованным человеком. Страсть к научной работе, вероятно, он

унаследовал от своего дяди — Валентина Георгиевича Чудакова, крупного патологоанатома из когорты воспитанников Ленинградской военно-медицинской академии, вместе с Л.А. Зильбером, занимавшегося проблемами клещевого энцефалита на Дальнем Востоке, проблемами геморрагической лихорадки, патологической анатомии боевой травмы, вопросами патологии детского возраста и онкоморфологии.

Профессор Валентин Чудаков какое-то время работал и у нас в Институте, и мы, молодежь, ощутили на себе доброжелательное влияние этого незаурядного человека. Для многих из нас он стал наставником или “внештатным” учителем.

Вадиму Григорьевичу необыкновенно повезло с учителями. Он закончил аспирантуру под руководством крупного патолога Евгения Ивановича Чайки. В.Г. Пинчук работал в Институте гигиены труда и профзаболеваний МЗ УССР (директором института в то время был академик АМН СССР Лев Иванович Медведь) и, наконец, многие годы, рядом был академик Ростислав Евгеньевич Кавецкий.

В.Г. Пинчук внес серьезный вклад в изучение цитологических и ультраструктурных изменений при гепатоканцерогенезе, при nodозной гиперплазии и раке предстательной железы, при развитии опухолей почек у экспериментальных животных, индуцированных введением пластмассовой трубки. Под его руководством и с его непосредственным участием было проведено изучение клеток тимуса и других иммунокомпетентных органов при опухолях различных органов и систем.

В течение многих лет, начиная с первого номера, вышедшего в 1979 г., Вадим Григорьевич был главным редактором основанного Р.Е. Кавецким журнала “Экспериментальная онкология”. Мне посчастливилось все эти годы, вначале в качестве ответственного секретаря, а затем — зам. главного редактора, помогать ему. Помню, как тщательно он работал над рукописями, благожелательно оценивая труд своих коллег. Замечания, даже если статья не удовлетворяла требованиям, необходимым для публикации в журнале, всегда делал в деликатной форме, чтобы, не дай Бог, не затронуть человеческое достоинство автора.

В последние годы жизни, которые, по известным причинам, были очень трудными для науки в целом, он думал не о себе, а о коллективе возглавляемого Института, в полном соответствии с формулой А. Сент-Экзюпери “...мы отвечаем за тех, кого мы приручили”. За считанные часы до гибели, он закончил написание заявки на грант Министерства по чрезвычайным ситуациям Украины, посвященный изучению лейкозов у ликвидаторов аварии на ЧАЭС, включив в список исполнителей сотрудников многих отделов Института.

На днях я вернулся из Москвы, где в ГУ ОНЦ РАМН проходила конференция “Новые методы и разработки в онкоморфологии”, посвященная 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного патолога академика Н.А. Краевского, внесшего крупный вклад во многие разделы онкологии, гематологии, лучевой патологии. Открыл сборник научных трудов “Ультраструктура и гистохимия нормальных и опухолевых клеток”, вышедший в 1980 г. под редакцией Н.А. Краевского, В.Г. Пинчука и Н.Т. Райхлина, в котором помещена статья, посвященная памяти Вильгельма Бернара, одного из крупнейших ученых в области ультраструктурной морфологии опухолей, в чьей лаборатории стажировался В.Г. Пинчук и с которым продолжал плодотворно сотрудничать в течение многих лет. Задумался о незримых нитях, связывающих ученых разных поколений и служащих основой развития науки.

*Доктор мед. наук профессор
Д. Ф. ГЛУЗМАН*

Вадим Григорьевич
Пинчук со своим
учителем академиком
АН УССР Ростиславом
Евгеньевичем Кавецким.
Феофания, июнь 1976 г.

Совещание по эпидемио-
логии опухолей ученых-
онкологов стран-участниц
СЭВ. *Киев, 1976 г.*

В.Г. Пинчук среди делегатов Международного симпозиума в Стокгольме, май 1977 г.

В президиуме 1-го Международного симпозиума по стволуовой клетке: Вадим Григорьевич Пинчук, проф. Н.Т. Терехов, академик АН УССР Р.Е. Кавецкий, проф. З.А. Бутенко, проф. С.С. Лаврик. Выступает проф. Е. Фриндель (Франция). Киев, 1977 г.

В перерыве заседаний 1-го Международного симпозиума по стволуовой клетке: академик АН УССР Р.Е. Кавецкий, проф. М. Лорд (Англия), проф. Е. Фриндель (Франция), проф. Н. Митчисон (Англия), проф. С. Берчану (Румыния) и В.Г. Пинчук. Киев, 1977 г.

Академик АН УССР
Р.Е. Кавецкий,
проф. Е. Фриндель
(Франция)
и Вадим Григорьевич
Пинчук беседуют с участни-
ками 1-го Международного
симпозиума по стволовой
клетке. Киев, 1977 г.

Советско-французский сим-
позиум по электронной ми-
кроскопии и гистохимии опу-
холей. Профессор Вильгельм
Бернар (Франция) смущен те-
плотой и искренностью при-
ветствия академика АН УССР
Р.Е. Кавецкого. По это-
му поводу он сказал: “Мне
еще никогда не пожимал
публично руку такой великий
ученый”. На втором плане
Вадим Григорьевич Пинчук.
Киев, 1978 г.

Прием в честь гостей
Советско-французского
симпозиума по электрон-
ной микроскопии и гис-
тохимии опухолей. Киев,
1978 г.

Вадим Григорьевич Пинчук в г. Вашингтоне у памятника Тарасу Шевченко, *январь 1979 г.*

Вадим Григорьевич Пинчук в семье американских украинцев (слева хозяин дома Андрей Мысник, стоит его жена Оля). Встречают Старый Новый год.
Вашингтон, январь 1979 г.

Вадим Григорьевич Пинчук в лаборатории профессора Э. Гарднера в Лос-Анджелесе, *февраль 1979 г.*

МНЕ ВЕЗЛО НА ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ

Приказом Министра здравоохранения Украины В.Д. Брагуса, в ноябре 1974 г. я был направлен на работу в Киевский научно-исследовательский рентгено-радиологический и онкологический институт МЗ Украины (ныне Институт онкологии АМН Украины) на должность заместителя директора по научной работе. Никакого опыта в области онкологии и организации научно-исследовательских работ я не имел. Учил всему этому меня, прежде всего, директор института проф. А.И. Позмогов. Но я стремился учиться и сам.

Одним из таких людей, у которых я учился и был проф. член-корреспондент АН Украины Вадим Григорьевич Пинчук. В те годы он был первым заместителем директора по научной работе Института проблем онкологии АН УССР (директором был академик Р.Е. Кавецкий).

По профилю работы мы с В.Г. Пинчуком довольно часто встречались, обсуждали и формировали основные направления научно-исследовательских работ в Украине для Всесоюзных проблемных комиссий, Президиума АН Украины и Минздрава Украины.

Естественно, что, имея уже богатый к этому времени опыт работы, В.Г. Пинчук играл основную роль в формулировке тем, определении целей и задач исследований, выборе учреждений-участников выполнения кооперативных исследований.

В.Г. Пинчук при этом ни разу не допустил каких-либо выпадов, которые подчеркнули бы мою недостаточную подготовленность для такой работы. Наоборот, не навязчиво, корректно, с большим тактом и высокой эрудицией он старался поставить меня

на один уровень с собой и своим коллегой проф. А.И. Быкорезом, который также стремился содействовать моему росту и становлению. Ведь в то время я был только кандидатом медицинских наук и имел научную подготовку лишь в изучении иммунологических проблем в области ревматизма и хронического тонзиллита.

Большое видится на расстоянии. И теперь, осмысливая прожитое и приобретенный опыт работы, я могу утверждать, что В.Г. Пинчук по своему отношению ко мне был моим добрым другом и наставником. Может быть, под его влиянием я сосредоточил свои научные интересы на проблеме изучения функции тимуса, как центрального органа иммунной системы, и состояния этой системы при экспериментальном опухолевом росте, у онкологических больных. Ведь В.Г. Пинчук к тому времени уже опубликовал ряд работ, посвященных изучению клеток иммунной системы, в том числе и лимфоцитов при опухолевом росте и имел достаточный опыт в этой области исследований.

Поскольку изучать функции органов иммунной системы и иммунокомпетентных клеток, в отрыве от структуры органа и ультраструктуры клетки невозможно, мы объединили свои усилия в работе над этой проблемой и подготовили монографию “Структура тимуса и дифференцировка Т-лимфоцитов” (А.А. Ярилин, В.Г. Пинчук, Ю.А. Гриневич). По инициативе В.Г. Пинчука монография вышла в издательстве АН Украины “Наукова думка” в 1991 г.

Хотел бы при этом отметить скромность, принципиальность и особенно требовательность к себе В.Г. Пинчука. Вначале планировалось, что авторский коллектив будет выглядеть следующим образом: академик В.Г. Пинчук, проф. А.А. Ярилин, проф. Ю.А. Гриневич. Затем, когда рукопись уже была подготовлена к печати, выяснилось, что основной вклад в её подготовку и написание ряда глав внес проф. А.А. Ярилин (г. Москва, Институт иммунологии МЗ СССР). В.Г. Пинчук, который в то время уже был директором Института проблем онкологии им. Р.Е. Кавецкого АН УССР, предложил первым автором поставить А.А. Ярилина. Так и было сделано.

Позже, когда академика В.Г. Пинчука не стало, цикл работ “Имунобиология тимуса, его роль в регуляции иммуногенеза,

получение и возможности использования препаратов тимуса (вилочковой железы)” был, выдвинут на соискание Государственной премии Украины в области науки и техники. Среди цикла работ, монография “Структура тимуса и дифференцировка Т-лимфоцитов” заняла ведущее место. И для меня было весьма престижным быть в одном ряду с академиком В.Г. Пинчуком при присуждении группе исследователей в 1999 г. Государственной премии Украины в области науки и техники.

Жаль, что жизнь В.Г. Пинчука оборвалась так рано. Впереди было много планов и задумок. При его жизни к этому времени они нашли бы свое завершение, что, безусловно, способствовало бы совершенствованию организации медицинской науки, качества диагностики и эффективности лечения онкологических больных в Украине.

В.Г. Пинчук был добрым человеком, талантливым ученым, имел много учеников, и у него было чему учиться.

*Доктор мед. наук профессор
Ю.А. ГРИНЕВИЧ*

“ЧУМАЦЬКИЙ ШЛЯХ” ВАДИМА ПИНЧУКА

... Это был удивительный вечер. Над набережной и морем раскинулся бархатный безграничный шатер, который пересекала широкая и такая же бесконечная полоса мигающих искрящихся звезд.

— Млечный путь, — проговорил, будто, боясь нарушить величие священной тишины, Вадим Григорьевич. И добавил украинское: — Чумацький шлях...

А потом, обратившись к моей восьмилетней внучке:

— Хочешь звездочку?

Наклонился над кустом лавровишни и вложил в протянутые ладошки фосфоресцирующего светлячка. Он отразился в потрясенных, очарованных глазах ребенка.

Нас было на длинной санаторной набережной пятеро: я с моим мужем и внучкой и Вадим Григорьевич с женой Людмилой Борисовной. Бывший санаторий “Черноморский”, неподалеку от Ялты, ныне ставший одним из “бизнес-курортов”, согласно веяниям времени, некогда принимал в апреле-июне академиков и членов-корреспондентов Академии наук Украины. С семьями. Мы с четой Пинчуков лет пятнадцать подряд, договариваясь заблаговременно, отдыхали там вместе.

Санаторий располагался в уникальной природной зоне: рядом с поселком Никита и (как мы полагаем и сейчас) на части заповедной территории Никитского ботанического сада. Через дыру в заборе можно было беспрепятственно проникнуть на умытые росой поляны, пруды, аллеи.

Каждое утро Вадим Григорьевич забирался в горы и совершал часовую прогулку. Что он думал и чувствовал тогда, наеди-

не с природой? Очевидно, прогулки эти были ему органически необходимы. Он возвращался по набережной обновленный, полный энергии. Высокий, худощавый, с седой аристократической бородкой, он напоминал моей внучке Дон Кихота, одного из ее любимых литературных персонажей, симпатия к которому матрицей наложилась на образ реального человека. Кто знает? Устами ребенка...

Он был директором Института, где я работала, то есть — моим начальником. Но “дистанция” не ощущалась. Со свойственной ему доброжелательностью он в равной мере уважал всех, с кем общался и умел найти ту, часто едва заметную, объединяющую волну, на которой общение становилось приятным и важным для всех.

Он был академиком, ученым с мировым именем. Окруженный удочками и кулками, с наслаждением, под палящим солнцем, ловил на пирсе рыбешек под восторженные крики детей, и, казалось, сам превращался в ребенка с чистой, открытой улыбкой, выделяя часть улова обитавшему на пляже коту, а часть, определяя в кулек в качестве будущей “воблы под пиво”.

Он был талантливым организатором, который, в страшный Чернобыльский год, сумел расставить акценты в фантастическо-политической игре вокруг нарочито липовых диагнозов смертельно облученных больных, поступавших в клинику.

Гуляя в парке, мы часто видели Вадима Григорьевича на его любимой скамье у маленького, но потрясающе чистого и глубокого пруда, погруженным в раздумья. Он сосредоточенно смотрел на играющих золотых рыбок и цветущий розовый лотос. И моя вечно бегающая внучка, увидев его в такие минуты, тихонько отступала в сторонку и переходила на шепот...

Он работал с аспирантами, теми, кто сегодня, помня его школу, являются новой высоко профессиональной генерацией ученых-онкологов.

Тем летом, на мысе Мартьян, что высоко над морем и куда мы поднимались в санаторном автобусе, он легко и непринужденно затевал беседу о литературе, кино, политике. Просто о жизни, цену которой, будучи онкологом, знал, как никто другой...

И все же часто мне вспоминается именно вечерняя прогулка впятером под бархатным искрящимся крымским небом. И знаковый “Чумацький шлях” над головой, простирающийся в вечность... Древний китайский Дао — жизненный путь, который суждено пройти каждому по-своему и который так неповторимо, так ярко прошел этот удивительный, неординарный человек.

*Доктор мед. наук профессор
И. В. КАСЬЯНЕНКО*

Доктор С. Рашид с сотрудником, проф. Э. Гарднер и В.Г. Пинчук в Пицунде на Международном конгрессе по сравнительной лейкозологии. *Пицунда, октябрь 1979 г.*

Проф. Ю.А. Уманский, проф. З.А. Бутенко, Вадим Григорьевич Пинчук, проф. Л.Б. Пинчук среди делегатов Международного конгресса по сравнительной лейкозологии в Пицунде на приеме в честь 60-летия проф. Эпштейна (Epstain), *октябрь 1979 г.*

Торжественное заседание, посвященное 80-летию со дня рождения академика АН УССР Р.Е. Кавецкого. Вадим Григорьевич Пинчук делает доклад “Памяти нашего учителя”. В президиуме: проф. А.И. Позмогов, академик АН УССР Н.Н. Горев, Галина Алексеевна Кавецкая, проф. Н.Н. Зайко. *Киев, 1 декабря 1979 г.*

Выступление Вадима Григорьевича Пинчука на торжественной церемонии открытия памятной доски академику АН УССР Р.Е. Кавецкому на здании Института проблем онкологии.

Слева направо: Президент АН УССР академик АН УССР Б.Е. Патон, вице-президент АН УССР академик АН УССР Ф.С. Бабичев, академик АН УССР В.П. Комиссаренко и академик АН УССР В.И. Скок.

Киев, 1 декабря 1979 г.

Президент АМН СССР академик Н.Н. Блохин и Вадим Григорьевич Пинчук в комнате-музее Р.Е. Кавецкого.

Киев, 1980 г.

В президиуме выездного заседания проблемной комиссии “Злокачественные новообразования” проф. Г.И. Кулик, проф. С.П. Осинский, проф. И.В. Касьяненко, Вадим Григорьевич Пинчук, выступает проф. И.И. Крыжановская, проф. Л.А. Асляев, проф. И.А. Голотюк и В.Н. Василенко.

Днепропетровск, 1980 г.

Вадим Григорьевич
Пинчук на совещании
директоров онкологиче-
ских и рентгено-радио-
логических институтов.
Ереван, ноябрь 1982 г.

Вадим Григорьевич
Пинчук открывает
заседание 2-го Междуна-
родного симпозиума
по стволовой клетке.
Киев, 1983 г.

Проф. Д.В. Мясоедов,
проф. С.А. Шалимов,
проф. В.Л. Ганул
и Вадим Григорьевич
Пинчук в перерыве
заседаний 7-го съезда
онкологов УССР.
Симферополь, 1985 г.

Вадим Григорьевич
Пинчук в Университете
г. Энугу. *Нигерия, 1985 г.*

Делегация украинских
онкологов на 4-ом съезде
онкологов СССР. *Ленин-
град, декабрь 1986 г.*

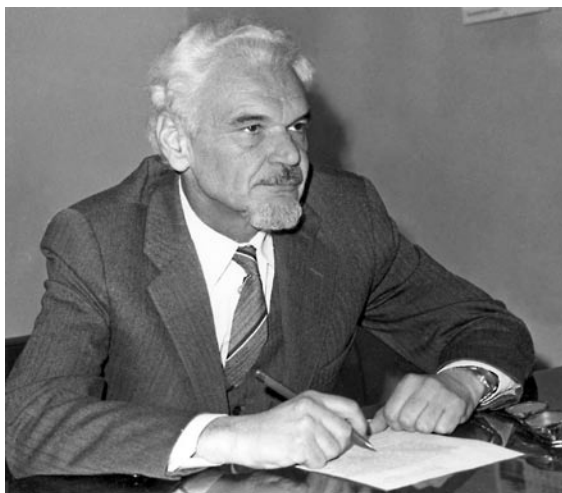
Доктор Тереза Бен
и ее муж Константин
Бен в доме у Вадима
Григорьевича и Людмилы
Борисовны. Киев, 1987 г.

Проф. С.П. Осинский,
проф. М. фон Арденне,
Вадим Григорьевич
Пинчук и корреспондент
ZDF в Дрездене
на 2-ом Дрезденском
симпозиуме по гипер-
термии. Дрезден, январь
1987 г.

Вадим Григорьевич
Пинчук в рабочем каби-
нете. Киев, 1990 г.

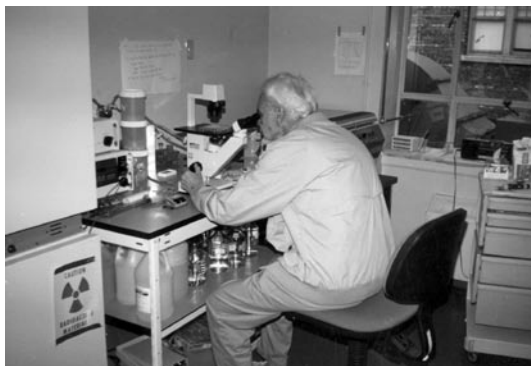

Канд. мед. наук А. Лобжанидзе, Вадим Григорьевич Пинчук и проф. С.П. Осинский на набережной в г. Киле (Германия), 1990 г.

Академики АН Украины В.Г. Барьяхтар, В.Г. Пинчук и Э.В. Собонович в аэропорту г. Милана (Италия). Прервана командировка на Симпозиум по радиозоологии в связи с событиями в Москве. 19 августа 1991 г.

Вадим Григорьевич Пинчук на рабочем месте сына Юрия в лаборатории проф. Мильнера в Медицинском центре Виржинии Мэйсон. *Сэтл*, 1994 г.

Любимая внучка, Марьяна, в гостях у деда в Киеве, 1994 г.

Последняя фотография отца и сына. Сиэтл, ноябрь 1995 г.

СЛАВНЫЙ ЧЕЛОВЕК — ВАДИМ ГРИГОРЬЕВИЧ ПИНЧУК

Когда в 1970 г. я пришел поступать на работу в Институт, Ростислав Евгеньевич сразу познакомил меня с долговязым, веселым дядькой, сказав, что он не только его заместитель по научной работе, но и очень хороший электронный микроскопист. Я в этом деле ничего не понимал, но некоторые рассуждения Вадима Григорьевича произвели на меня сильное впечатление своей нетривиальностью. Например, вспоминая о своем споре о структуре митохондрий с одним из классиков электронной микроскопии, кажется, французом, он согласился признать его правоту лишь тогда, когда тот пустил в ход последний аргумент, что он, мол, старше и за свою жизнь видел больше электроннограмм. С годами этот аргумент мне нравился все больше и больше. Однажды я основательно приболел, а Вадим Григорьевич посетовал, что жаль, я не курю — тогда бы можно было бросить эту вредную привычку и сразу получить хорошее подспорье для выздоровления. Это как гимнаст, сказал он, который прыгает с трамплина с двумя тяжелыми гириями в руках, в полете их отпускает и сразу взлетает вверх.

В те времена в Институте был буфет, и Ростислав Евгеньевич вместе с двумя своими высокорослыми замами — В.Г. Пинчуком и А.И. Быкорезом каждый день в обеденный перерыв его посещали, аскетически удовлетворяясь чашечкой кофе и печеньем “Солнышко”. Вадим Григорьевич как-то с грустью признался мне, что после этих “ланчей” его определенно тянет съесть кольцо домашней колбасы, что, втайне от шефа, он иногда и делал. Человек он, несомненно, был очень способный — я вспоминаю, как в конце 80-х он самостоятельно подготовил и сделал на Пре-

зидиуме Академии наук весьма толковый доклад по сорбционной очистке крови, т.е. по проблеме, которой он сам не занимался. И как патолог он внес заметный вклад в теорию детоксикационной терапии эндогенной интоксикации и лучевой болезни — над этой тематикой лет 25-30 тому назад мы весьма успешно трудились с его супругой Людмилой Борисовной. Будучи человеком мягким и доброжелательным, Вадим Григорьевич часто страдал от инициатив своих более напористых и хватистых коллег по Отделению БФТМ АН УССР. Но зато в Институте атмосфера была в высшей степени комфортной для творческой работы — доброжелательная поддержка директора в отношении любого полезного начинания была гарантирована по определению. В этом смысле Вадим Григорьевич был достойным учеником Ростислава Евгеньевича, сумел создать в Институте атмосферу, совершенно исключаящую склоки, интриги и подсиживания. К сожалению, не все способны были это оценить, и на сломе времен, когда по чисто объективным обстоятельствам жизнь в Институте стала совсем несладкой, на голову Вадима Григорьевича обрушился шквал совершенно несправедливых претензий. Думаю, что все это тоже внесло свою лепту в то роковое решение, которое он принял. А жизнь продолжалась, и все понемножку утряслось. Но только нет уже с нами этого милого, интеллигентного человека, доброжелательного и умного.

*Доктор мед. наук профессор
В.Г. НИКОЛАЕВ*

УМЕНИЕ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Почти 30 лет — весьма большой срок, чтобы сложилось собственное мнение о человеке, тем более, если ты работал с ним в непосредственном контакте, причем более пяти лет вас связывали отношения директора Института и ученого секретаря. Еще, будучи студентом и работая в Институте в качестве кружковца, я заметил высокого, немного сутулого мужчину, который находился рядом с самим Р.Е. Кавецким. Невозможно было представить себе тогда, что в будущем мы будем работать вместе. Но так случилось, и проведенные вместе годы, которые интересны, насыщены приятными и не очень делами, беседами и встречами, поездками и сопутствующими им мероприятиями, навевают воспоминания, которыми теперь хотелось бы поделиться.

Работа ученого секретаря Института весьма скучная, кропотливая, сопровождающаяся ежедневным чтением, заполнением бумаг и конкретными делами. Ученый секретарь должен все и всегда выполнить в срок, но отвечает как за содержание материала, так и за своевременность представления его в Президиум Академии наук директор Института. Естественно я старался как мог, но никогда не испытывал давления со стороны Вадима Григорьевича, никогда он не повышал голос, не требовал, не допускал профилактического “распекания”, и тем более ни разу им не было произнесено ни одной “крепкой” фразы. Да, вся наша команда старалась, так как мы делали одно дело, но нельзя было не ответить ему исполнительностью и корректностью, невозможно было пойти против его мягкости и внутренней культуры, нельзя было его подвести. Вероятно, именно в этом и проявляется атмосфера и дух нашего Института, со-

зданные Р.Е. Кавецким и столь успешно поддержанные Вадимом Григорьевичем.

Интересна была его манера вести себя за столом в его директорском кабинете. Он практически всегда сидел, несколько потупив взгляд, часто глядел в стол, и вдруг резко вскидывал голову и смотрел прямо на вас, и вы понимали, что все это время он внимательно вас слушал. Особенно ярко это проявлялось в те минуты, когда он доводил до сведения членов Ученого совета какие-то неприятности или порицал кого-то за те или иные проступки (такое редко, но бывало). В последнем случае явно ощущалось, что ему очень неудобно, он вынужден произносить эти слова и даже готов сделать за вас то, что вы не сделали. Но должность директора обязывала все же быть требовательным и спрашивать “с не очень радивых”.

С Вадимом Григорьевичем можно было откровенно поговорить, посоветоваться, доверить свои тайные планы, которые касались ваших как научных, так и служебных намерений. Можно было не опасаться, что ваше откровение обернется против вас. Благодаря Вадиму Григорьевичу и только при его активной поддержке, я со своими коллегами выполнял тематику по гипертермии опухолей, которую не очень то жаловали некоторые московские профессора-онкологи. Именно ему я обязан созданием научного отдела, которым руковожу, и выполнению ряда тем по микрофизиологии опухолей с зарубежными институтами.

Он сразу откликнулся на вашу просьбу, всегда был готов дать совет и принять участие в разрешении возникшей проблемы. Как-то мне пришлось обратиться к Вадиму Григорьевичу за помощью, организовать встречи с рядом руководителей медицинских учреждений Киева, чтобы попытаться решить одну личную проблему. В присущем ему стиле “не забывчивости” Вадим Григорьевич устроил мои встречи, и непростая задача была решена. И уже спустя некоторое время я отметил одну примечательную деталь, которая весьма ярко характеризует Вадима Григорьевича. Люди, с которыми я встретился, не просто исполнили долг вежливости. Они выслушали меня и помогли мне потому, что я пришел от Вадима Григорьевича, от человека, которого они уважали и ценили,

рекомендация которого была как бы пропуском и к разговору, и к решению той или иной вашей проблемы.

Приятны воспоминания о наших трех совместных научных поездках, таких как: в Днепропетровск в июне 1980 года на выездное заседание проблемной комиссии “Злокачественные новообразования”, в Дрезден в январе 1987 года на конференцию, посвященную 80-летию Манфреда фон Арденне, на которую мы были приглашены самим юбиляром, с которым тесно сотрудничали, и в Гамбург в августе 1990 года на 15-й Международный противораковый конгресс. В этих поездках проявились те качества Вадима Григорьевича, которые так притягивают к себе окружающих — скромность, отзывчивость, жизнерадостность, даже некоторое озорство. Он поддержал меня в соревновании по поднятию гири во время постнаучного заседания в спортивном лагере Днепропетровского медицинского института, и когда я выиграл, был горд, что я его сотрудник. Он не возражал против весьма серьезного по тем временам нарушения, на которое я сподвиг его в Дрездене, когда мы не позвонили в Посольство СССР в Берлине и не доложили, что прибыли и чем занимаемся. Мы пошли еще дальше и дали интервью журналисту 2-го телеканала ФРГ. Рассказали о наших совместных работах с М. фон Арденне, но все же “спаслись”, причем весьма хитро, от чересчур назойливой и экстравагантной журналистки, представлявшей одну из Ганноверских газет и пытавшуюся поговорить с нами о Чернобыле. Мы внимательно слушали доклады и оживленно беседовали с иностранными коллегами во время Гамбургского конгресса, но лишь Вадим Григорьевич сумел отследить информацию о банкете, которую почему-то дали лишь на мониторах телевизоров, установленных в холлах, что и обусловило мое отсутствие на столь интересном мероприятии. Вадим Григорьевич “отчитал” меня за невнимательность, но ведь я действительно был виноват.

До и после посещения Дрездена мы вынуждены были оставаться в Москве, так как в те времена все зарубежные командировки осуществлялись через Президиум АН СССР, и Вадим Григорьевич предложил мне переночевать у него в большом двух-

комнатном директорском номере в гостинице РОНЦ. В Киев мы ехали вместе в поезде в спальном вагоне, причем он предложил этот вариант сразу, сказав, что надо ехать вместе и в нормальных условиях, а бухгалтерия стоимость моего билета оплатит, так как возможности есть. Эти вроде бы маленькие штрихи, но как полно они характеризуют Вадима Григорьевича, как позволяют увидеть в нем самое главное — его теплоту и его человечность.

Я могу ошибаться, но воспоминания — это та категория, которая характеризуется чисто личным восприятием, только тем, что именно я видел, чувствовал, переживал. Поэтому следующий мой тезис может быть кем-то оспорен, но я полагаю, что я все же прав. Меня сопровождало и теперь остается впечатление и ощущение, что Вадиму Григорьевичу было как-то неудобно или даже немного стыдно за некоторые сегодняшние или будущие поступки как свои, так и окружающих его людей. Его щепетильность подчас была чрезмерной, не всегда она была адекватна столь жесткому и не всегда приветливому окружающему миру. Деликатность и интеллигентность приводили его порой в какое-то неудобное состояние. Он не мог ответить, не мог отругать или накричать, не мог потребовать. Создавалось впечатление, что он чувствовал себя не очень уютно в этом мире, в нашем тогдашнем советском времени (может он это понимал, но кто тогда открыто говорил об этом). Он не смог приспособиться и к постсоветскому периоду, когда разваливалась культура как таковая, когда начали подкашиваться основы настоящей науки, когда волны хамства, грубости и невежества, причем воинствующего, становились нормой и предметом подражания. Слишком мало людей поддержали его в то время, да и поддержка, вероятно, оказалась не очень сильной. Обидно и больно, что наши старания оказались бессильны. Но есть внутренний мир человека, куда трудно или почти невозможно попасть другим, и этот внутренний мир Вадима Григорьевича был очень личным, и очень ранимым, и не давал ему возможности приспособиться к окружающей, в чем-то враждебной действительности. Он знал, как должно быть, исходя из общечеловеческих законов и законов природы. Но когда вокруг вас говорят и делают (что еще хуже) совсем не так, то вы просто не понимаете,

как такое может быть и почему практически никто не реагирует на это, почему никто не пытается изменить ненормальный ход вещей. И вы начинаете чувствовать себя неудобно, понимать, что бороться с этим трудно и медленно теряете свои внутренние ориентиры.

В этом плане показательна наша встреча 4 ноября 1995 года сразу же после его поездки в США. Он был оживлен, рассказывал о встречах, об условиях тамошней работы и жизни, интересовался институтскими делами. В общем, это был обычный Вадим Григорьевич, и я отметил про себя, что он наконец-то возвратился, он снова у себя в кабинете, есть с кем поговорить, посоветоваться, есть к кому зайти. Но все же легкая грусть была в его речи, какая-то еле заметная дымка сожаления о том, что не так все хорошо, не так все просто, и как трудно что-либо изменить, висела в комнате. Это было очень сложное время, некая чуждость всему светлому и честному ощущалась вокруг. Было тяжело это понимать и еще труднее сознавать, что практически ничего нельзя изменить.

Наша последняя встреча состоялась в понедельник 25 марта 1996 года. Я встретил Вадима Григорьевича в вестибюле Института, он был озабочен, растерян и что-то тревожное можно было увидеть на его лице. “Сергей Петрович, какая у вас в отделе фундаментальная тематика? Нужно в Президиум сообщить о серьезных работах в области фундаментальной науки. Если что-нибудь есть, нужна информация сегодня, на полстраницы”. В то время у нас были работы с ИНЭОС РАН по редокс-активным комплексам кобальта, которые совместно выполнялись с академиком М.Е. Вольпиным. Волнение Вадима Григорьевича передалось и мне, естественно, я написал общие положения этого исследования и передал ему. Вечером я уезжал в Москву в ИНЭОС и вез отчет о полученных результатах. И именно в Москве меня застала пятница 29 марта, когда телефонный звонок заставил оцепенеть и меня, и моих московских коллег. Стало ужасающе понятно, что Вадима Григорьевича больше нет. Больше не будет волнений по поводу тематики и нельзя подойти к нему и поговорить о многих вещах, которые тебя волнуют, и о которых не станешь говорить со

многими, а хочеться поговорити саме з ним, тому що твердо знаєш — він зрозуміє тебе.

Але у нас є пам'ять, яка здатна запечатлеть когось або щось, і вона допомагає нам жити далі. У мене завжди залишиться в пам'яті, йдучий по коридору Інституту високий, статний чоловік, трохи нахилений вперед і трохи дивлячись вниз, але бачить все попереду себе, ніби стеснюючись свого зросту або світу, який його оточує, Вадим Григорьевич Пинчук — Великий Добрий Людина.

*Доктор мед. наук професор
С.П. ОСИНСКИЙ*

ОН БЫЛ НАШИМ УЧИТЕЛЕМ

Вспоминая Вадима Григорьевича, я как член коллектива, много лет, проработавшая под его руководством, хочу остановиться на его способности сочетать работу директора Института с заведованием отделом, оставаясь при этом глубоко человеком науки. Административная работа отнимала у Вадима Григорьевича массу времени. Но все же, когда ему удавалось вырваться, он с удовольствием погружался в обсуждение научных проблем, результатов экспериментов своих сотрудников, гипотез и теорий, ведя разговор порой не только со старшими сотрудниками, но и со студентами, при этом на равных, с интересом к мнению собеседника.

В отделе работали разные люди, отличающиеся по способностям, возрасту и характеру — и убеленные сединами ветераны войны, и увлеченные научными проблемами молодые честолюбивые энтузиасты, и юные лаборантки, только начинавшие делать первые шаги в науке. Умно и ненавязчиво руководя отделом, Вадим Григорьевич как-то незаметно концентрировал так научную работу, что каждый из сотрудников чувствовал себя незаменимым, выполняя свои обязанности, в научном поиске, экспериментальной работе, обсуждении получаемых данных, написании отчетов и статей. Было нормой обсуждать планирование экспериментов и получаемые данные, не стыдно выяснять причины случившихся сбоев и неудач, зная, что причина их будет найдена с деликатностью, без сомнения в некомпетентности сотрудника. При этом порой на основании неудач возникали новые идеи и подходы к решению других проблем, как это случилось с проблемой апоптоза, которой впервые начал заниматься В.Е. Лихтенштейн еще в 80-е годы прошлого столетия, а вплотную исследовать явление апоптоза начали лишь в 90-е годы.

Будучи невероятно загруженным административной работой, Вадим Григорьевич берег свое время, и так же вели себя все сотрудники отдела: было принято приходить на разговор к Вадиму Григорьевичу тщательно подготовленным, с хорошо продуманными схемами экспериментов, логически выверенными результатами, графиками и микрофотографиями. И если полученные данные были интересными, то радость от этого поровну делили и заведующий отделом, и рядовой сотрудник, и лаборант.

Весело отмечали в отделе защиты диссертаций, дни рождения и праздники. Заранее готовили сценарии, писали стихи, придумывали шуточные тосты и розыгрыши. Женщины старались наряднее украсить стол, изобрести какое-то изысканное блюдо, зная, что Вадим Григорьевич и оценит, и похвалит их авторов. Порой наши застолья напоминали театральные действия, в которых Вадим Григорьевич мог сыграть роль и режиссера, и актера с удовольствием, подыгрывая нам.

Как могли, сотрудники оберегали Вадима Григорьевича от участия в разрешении каких-то мелких, проблем (что случалось иногда), уводя его в микроскопную, и там, отойдя от этих забот, он отдыхал, давая всем нам уроки по электронной микроскопии. При этом он попутно комментировал микрофотоэлектроннограммы, перемежая их данные с материалами по патологической анатомии, физиологии, биохимии, что придавало этим урокам необыкновенную ценность. К сожалению, такие уроки были не частыми.

Будучи человеком деликатным, мягким по характеру, Вадим Григорьевич мог быть высокопринципиальным в разрешении научных проблем и отстаивать свои научные позиции. Так было, когда Институт выполнял тематику, связанную с исследованиями последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Тогда концепция, разработанная украинскими учеными о воздействии малых доз облучения на живые организмы, столкнулась с положениями, выработанными учеными школы академика Л.А. Ильина. Принципиальность, высокий профессионализм и научная чистоплотность Вадима Григорьевича подтвердили всему миру компетентность украинских ученых.

Ученик академика Р.Е. Кавецкого, Вадим Григорьевич продолжал и поддерживал в Институте и в отделе дух сотрудничества, внимания и терпимости к иному мнению, уважения к результатам любого труда. Молодые исследователи, вливаясь в коллектив, приобретали не только умение ориентироваться в мире научных проблем и знаний и необходимые при этом технические навыки, но и проходили школу человеческих взаимоотношений в атмосфере порядочности и взаимоуважения, которую так ценил и культивировал директор Института.

Н.А. ТРЕГУБОВА

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Вадим Григорьевич Пинчук родился 28 декабря 1930 г. в г. Полтаве в семье служащих. Отец, Григорий Павлович Пинчук, был преподавателем истории в Полтавском педагогическом институте, мать — Анна Георгиевна Пинчук-Чудакова студенткой химико-технологического факультета того же института.

Отец Вадима Григорьевича был сыном кузнеца в с. Большие Сорочинцы Полтавской губернии. Это прославленное село (Великі Сорочинці) известно своими ярмарками, проводимыми со времен Гоголя и до настоящего времени. Григорий Павлович в семье, где было пятеро детей, был самым младшим. Высшее образование получил только он и старшая из сестер, Анастасия Павловна, впоследствии работавшая учителем, а затем и директором школы в Тараше, к сожалению, теперь тоже неизвестном городке Киевской области вблизи г. Белая Церковь. Судьба сводила и разводила семью Пинчуков, но в течение всей жизни Вадим Григорьевич был очень близок со своим двоюродным братом, сыном Анастасии Павловны, Игорем Константиновичем Лопатиным, ставшим крупнейшим ученым-энтомологом, много работавшим и преподававшим в США в Джорджтаунском университете, в Чехословакии, в Таджикистане. И.К. Лопатин был Соросовским профессором и до настоящего времени, несмотря на преклонный возраст, является профессором кафедры биологии Минского университета (Беларусь).

Григорий Павлович был сильным, умным и красивым человеком. Его неординарность повлияла, вероятно, на его дальнейший жизненный путь. В предвоенные годы он становится одним из партийных руководителей Харьковской области, во время Великой Отечественной войны работает в Главном штабе партизанского движения на Украине, принимает участие во всех

рейдах С.А. Ковпака. С первых же месяцев после освобождения Украины и до 1948 года Г.П. Пинчук возглавляет Львовский, Ужгородский обкомы партии. Для семьи это было тяжелое время в полном соответствии с событиями, которые происходили в те годы в Западной Украине. В 1948 г., что совпало с окончанием Вадимом Григорьевичем средней школы в г. Ужгороде, отца ненадолго переводят на работу в Одессу, и в этом же году назначают министром просвещения.

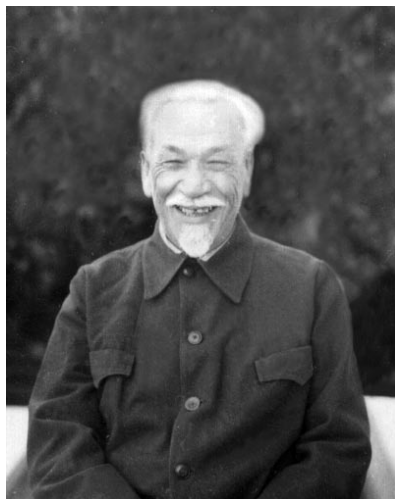
Григорий Павлович был любящим отцом, таким, о которых говорят “строгий, но справедливый”. Никто из соучеников в школе, ни однокурсников по институту, а позже сотрудников Вадима Григорьевича никогда не замечали в нем ни одной, даже самой маленькой черточки влияния “элитной”, как теперь принято говорить, семьи. Семья была большой, дружной, многие из ее членов имели непосредственное отношение к медицине. Воспитателями по жизни были, как это было широко распространено в те уже далекие времена, бабушка Екатерина Андреевна и дедушка — Георгий Иванович Чудаковы. Георгий Иванович в довоенные годы был преподавателем латыни в Полтавском, позднее — Харьковском мединституте. Большую роль в формировании взглядов и интересов, в том числе и профессиональных, сыграло тесное общение Вадима Григорьевича с родными, братом и сестрой матери — Валентином Георгиевичем Чудаковым и Екатериной Георгиевной Ахутиной. Оба не имели своих детей, и поэтому понятным было их внимание, любовь, постоянная тяга к общению с единственным “ребенком”. Врачами были и Валентин Георгиевич Чудаков, и его жена Анна Николаевна, и тетя Катя — Екатерина Георгиевна Ахутина, и ее муж — Михаил Никифорович Ахутин. Сверстники Вадима Григорьевича студенты-медики, а в последствии сотрудники по работе, кто знал Екатерину Георгиевну и особенно бывал у нее в квартире в Москве на Соколе, с удивлением узнавали, что М.Н. Ахутин и есть тот самый чл.-корр. АМН СССР, заслуженный деятель науки, генерал-лейтенант медицинской службы, который еще во время боевых действий у озера Хасан и реки Халхин-Гол решал задачи по оказанию помощи и путям эвакуации раненых с поля боя, а во время Великой Отечественной

Семья деда Вадима Григорьевича. Самый младший Григорий Павлович Пинчук, в возрасте четырех лет, между отцом и матерью. 1908 г.

Григорий Павлович Пинчук с сыном Вадимом. 1936 г.

Дедушка Вадима Григорьевича (отец матери) Георгий Иванович Чудаков. 1945 г.

Екатерина Георгиевна и Михаил Никифорович Ахутины. *Москва, 1947 г.*

Георгий Иванович Чудаков с дочерьми Екатериной и Анной. Во втором ряду — зять Григорий Павлович Пинчук и внук Вадим. *Ужгород, 1947.*

Вся семья Чудаковых-Пинчуков: справа налево: бабушка Екатерина Андреевна, ее сын Валентин Георгиевич Чудаков, старшая дочь Екатерина Георгиевна Ахутина, отец Вадима Григорьевича Григорий Павлович Пинчук и мама Анна Георгиевна Пинчук, жена Валентина Георгиевича Чудакова Анна Николаевна Дараганова, бабушка Георгий Иванович Чудаков. За ними единственный “ребенок” у родителей и всей семьи. Вадим Пинчук. 1951 г.

Вадим Григорьевич — студент 5 курса Киевского медицинского института им. А.А. Богомольца. 1953 г.

Вадим Пинчук. Киев, 1954 г.

Отец Вадима Григорьевича Григорий Павлович Пинчук, 1960 г.

Вадим Григорьевич с сыном Юрой,
1961 г.

войны был главным хирургом тех фронтов, которыми командовал маршал Г.К. Жуков.

Таково было ближайшее семейное окружение Вадима Григорьевича в детстве и юности, что не могло не отразиться на выборе им профессии, а также на формировании черт характера — скромности, уважения к профессионализму и трудолюбию, увлеченности избранным делом. Это не мешало ему быть живым, интересным в общении, притягивающим к себе людей, иметь обширный круг друзей.

Во время Великой Отечественной войны Вадим Григорьевич, тогда десятилетний, был в эвакуации в маленьком городке Шучинске Семипалатинской области (северный Казахстан) с мамой, бабушкой и дедушкой Чудаковыми. Мама работала зоотехником, дедушка — учителем в школе, куда они с внуком, тогда учеником четвертого-пятого класса, ходили утром и возвращались под вечер, проходя пешком 6 км, естественно не зависимо от погоды — и в дождь, и в морозы, и, что было труднее всего, в пургу. В декабре 1943 г. за ними приехал отец и отвез их в только что освобожденный Харьков, а далее — в Киев. Затем начались постоянные переезды семьи в связи с назначениями отца. Несмотря на калейдоскопическую смену школ, учился Вадим Григорьевич всегда очень хорошо.

Никого не удивил выбор Вадимом Григорьевичем своей будущей профессии. В 1948 г. он поступил в Одесский, а с 1949 г. по 1954 г. учился в Киевском медицинском институте им. акад. А.А. Богомольца. В студенческие годы все было, как у многих — учеба, веселье и, к его великому сожалению, большая занятость так называемой общественной работой. Это, пожалуй, было единственным, где Вадиму Григорьевичу довелось узнать, что такое иметь отца с публичным именем организатора и руководителя. Считая, что такие качества заложены в генах (которые, впрочем, начисто отрицала советская наука того времени), и сокурсники, и руководство факультета постоянно выбирали или назначали его на различные общественные должности (тогда это называлось доверием коллектива и общественными поручениями). Сам же Вадим Григорьевич уже с третьего курса увлекся патологической

анатомией и был постоянным членом коллектива студентов (Назелия Абрахамовна Эмишьян, Август Филиппович Федотов, Владимир Иванович Андрейченко), все время проводивших на кафедре патологической анатомии, которой руководил профессор Евгений Иванович Чайка. Начиная с этого времени и до последних дней, патология стала предметом его изучения, любимым орудием формирующегося исследователя и в студенческие, и в аспирантские годы, равно и в годы, когда он уже состоялся как научный работник и как ученый (сам он по отношению к себе не любил термина “ученый”). Он никогда не менял своего пристрастия к изучению тканей или органов на уровне клетки. Изучение ультраструктуры клеток при канцерогенезе и в процессе различных воздействий являлась основным предметом его исследовательской деятельности.

Во время учебы на последних курсах лечебного факультета Киевского медицинского института происходит, безусловно, самое значительное событие в жизни Вадима Григорьевича — знакомство с Ростиславом Евгеньевичем Кавецким. Это событие определило его путь в науке от первых дней в аспирантуре и до конца жизни. В то время (1955–1956 гг.) мир переживал десятилетие со дня бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Ученым — физикам, биологам, медикам стало понятно, что кроме непосредственного разрушительного и губительного для сотен тысяч людей удара в результате взрыва атомных бомб, необходимо считаться с последствиями длительного воздействия ионизирующего излучения на живые организмы. В первую очередь, всех интересовала вероятность появления у людей, находившихся в зоне взрыва, дополнительного числа онкологических заболеваний. Медицинский научный мир был поставлен перед новой проблемой. Единственным путем противостояния атомной угрозе были поиски способов профилактики или возможного ограничения развития тяжелейшего патологического процесса, известного к пятидесятым годам прошлого века, когда начинал свою научную деятельность Вадим Григорьевич, как “острый лучевой синдром”, чуть позднее — острая лучевая болезнь. К изучению воздействия инкорпорированных радионуклидов как однократно попавших в организм, так и длительно постоянно накапливающихся в нем,

только приступали в то время отдельные ученые. Предложенная Ростиславом Евгеньевичем Кавецким тема для кандидатской диссертации “Патологическая анатомия лучевой болезни, возникающей под влиянием внешнего γ -облучения радиоактивным кобальтом (^{60}Co) и внутреннего β -облучения радиоактивным стронцием (^{89}Sr)” выполнялась в Киевском медицинском институте на базе кафедры рентгенологии (кобальтовая “пушка” и радиоактивные изотопы в те годы были только там), но фактически единственным научным руководителем его с первых дней после окончания учебы в институте был Р.Е. Кавецкий. В наши дни имя академика Ростислава Евгеньевича Кавецкого широко известно во всем мире, а его ученики и ученики его учеников, сотрудники, созданного им Института проблем онкологии (ныне Институт экспериментальной патологии, онкологии и радиобиологии им. Р.Е. Кавецкого НАН Украины), уже сами возглавляют научные школы, новые направления исследований, основываясь на идеях, своего учителя. В те уже далекие годы еще только строились первые атомные реакторы для использования в мирных целях, но постоянно существовала реальная угроза атомной войны. Загрязнение внешней среды при проведении испытаний ядерного оружия заставляли ученых-медиков и биологов пристально присматриваться к проблеме механизма действия ионизирующего излучения на живые организмы. Вслед за первоначально разрозненными исследованиями в различных странах возникают лаборатории, создаются научные коллективы, накапливающие и систематизирующие данные по биологическому действию различных видов ионизирующих излучений. Мало кто из биографов академика Р.Е. Кавецкого приводит данные о том, что одна из таких школ была создана непосредственно им и получила развитие в трудах его учеников, работавших в созданном им Институте (Ю.А. Уманский, В.А. Черниченко).

В 1959 г. Вадим Григорьевич успешно и, как оказалось, своевременно защитил кандидатскую диссертацию. После 1960 г. публикация в открытой печати работ, связанных с острой лучевой болезнью или действием накопленных радионуклидов, особенно долгоживущих, была запрещена не только цензурой, но и специ-

альным постановлением директивных органов Советского Союза и Украинской ССР в том числе.

В декабре 1957 г. в жизни Вадима Григорьевича происходит событие может быть и не столь значимое в его профессиональной научной жизни и карьере, как принято сейчас выражаться, росте, но тем не менее для него, как и для всякого человека, весьма значительное — у него рождается сын Георгий, которого близкие и друзья чаще звали Юрой. Георгием он был назван в честь только что умершего дедушки Вадима Григорьевича — Георгия Ивановича Чудакова. Вадим Григорьевич, воспитанный в такой большой, теплой, дружной семье, о которой уже было сказано, был прекрасным и преданным до последних дней каждого из своих родных сыном, племянником, внуком и стал таким же теплым и нежным, внимательным и преданным отцом. Юре повезло больше: ему легче было ориентироваться в выборе профессии — он медик уже в третьем поколении. Неизбежные, хотя и недолгие колебания, однако, были и у него, так как он был прирожденным, а может быть даже наследственным гуманитарием. После окончания школы сын Вадима Григорьевича также поступает на лечебный факультет Киевского медицинского института им. акад. А.А. Богомольца, после окончания которого в 1981 г. поступает в аспирантуру к проф. Льву Алексеевичу Певницкому в Институт медицинской генетики АМН СССР в Москве. После окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации по иммунологии возвращается в Киев в Институт физиологии им. А.А. Богомольца НАН Украины. С начала 90-х годов работает в США, вначале в лаборатории проф. Мильнера в Научном медицинском центре им. Виржинии Мейсон штата Вашингтон (г. Сизтл), а с 1999 г. — в Университете штата Миссисипи. Г.В. Пинчук — автор учебника по иммунологии для студентов медицинских и биологических высших учебных заведений. И Георгий Вадимович, и его жена Леся Николаевна, а теперь уже и дочь, она же единственная и очень любимая внучка Вадима Григорьевича, Марьяна, студентка IV курса отделения восточнославянских языков и литературы филолого-искусствоведческого факультета Университета Twolaine (Новый Орлеан) остаются гражданами

України. В США вони живуть і працюють, имея вид на жительство. Зная, що готується настоящеє издание, Юра прислав із США воспоминання о своем отце:

“На деяких фотопортретах, зроблених у “офіційній” обстановці, мій батько виглядає серйозним: очі дивляться серйозно і трохи сумно. Вдома він не був особливо серйозним. Я з раннього дитинства пам’ятаю його веселим, смішним, надзвичайно добрим і теплим.

Він ніколи не обтяжував собою нікого, не був зовсім схильним ні до якої претензії чи демонстрації. Досить часто він працював вдома, вечорами чи у вихідні дні — писав або редагував якусь статтю для журналу чи словника, або роздивлявся електронні мікрофотографії. Але при цьому він завжди зберігав спокійний, лагідний, дуже веселий вираз обличчя. З ним можна було говорити, смикати його, відволікати скільки завгодно разів від його роботи — він ніколи не сердився, не ображався, завжди відповідав спокійно і весело. А потім так само спокійно і весело знову брався за роботу. Це був дуже важливий принцип його життя.

Батько був веселун, жартівник. Його пам’ять зберігала якусь неймовірну кількість жартів, смішинок, веселих пісенок, гумористичних поезій. Коли я був маленьким, ми з ним удвох часто ходили до лісу або до Київського водосховища, і він міг усю дорогу туди і назад безперестанку співати чи розповідати смішні історії, жарти. Він посправжньому жив у такі моменти, був дуже щасливий саме тоді.

Ніколи не забуду, як одного разу, коли я був десь у п’ятому чи шостому класі, я знайшов на столі у батька велику купу фотографій тонкої структури клітини, і він почав мені розповідати, що ж саме ті фотографії показують. Цей зовсім новий для мене світ мітохондрій, рибосом і мембран, що мені його почав розкривати тато, заворожив мене. Мабуть, це остаточно вирішило мою професійну долю — до того моменту я хотів бути істориком чи мовознавцем, але відтоді зрозумів, що стану біологом. Не знаю, чи на краще, але живий приклад тата, його голос, його теплі очі, його гумор, той невгамовний пульс життя, що бився в ньому, коли він розповідав мені про клітинні органели, спрямували мій власний шлях фахівця. Георгій Пінчук. Колумбус, шт. Міссісіпі, США.”

В 1960 г. Вадим Григорьевич был приглашен Ростиславом Евгеньевичем Кавецким во вновь созданный им Институт экспериментальной и клинической онкологии МЗ УССР. Он начал осваивать совершенно новые в то время методы электронной микроскопии с целью изучения ультраструктуры клеток живого организма в норме и на разных этапах злокачественной трансформации. Основной задачей, сформулированной академиком Р.Е. Кавецким, являлось установление общих и отличительных особенностей ультраструктуры печеночных клеток в процессе их опухолевого превращения при воздействии химических, радиационных, вирусных, гормональных и других факторов канцерогенеза.

Начало 60-х годов совпало с хрущевской “оттепелью”. В ноябре 1962 г. академик Р.Е. Кавецкий отправляет молодого и “необученного” Вадима Григорьевича в Париж на стажировку к известному ученому, основателю одной из первых школ электронной микроскопии в мире, профессору Вильгельму Бернару. Выбор лаборатории В. Бернара был обусловлен не только высочайшим методическим уровнем изучения ультраструктуры клеток, но и тем, что он и его сотрудники занимались изучением ультраструктуры гепатоцитов в процессе опухолевой трансформации. Стажировку Вадим Григорьевич проходил последовательно в двух ведущих французских онкологических учреждениях — Институте Густава Русси и Национальном раковом исследовательском центре. В этих лабораториях было много стажеров из всех стран Европы и Америки. Одним из первых исследователей, приехавших из Советского Союза, был Вадим Григорьевич. Встречали его настороженно, но после первого же знакомства настороженность исчезла, сменилась очень дружескими и теплыми отношениями. Профессор Бернар лично много времени уделял Вадиму Григорьевичу. Рабочий график был насыщенным, ежедневно с 9 утра до 7 вечера. Время с 6 до 7 вечера посвящалось в лаборатории просмотру электронограмм, полученных сотрудниками, профессор Бернар давал им оценку. В субботу с 11 до 13 проводились еженедельные семинары, посвященные анализу лучших из этих работ. Как вспоминал Вадим Григорьевич, все было крайне интересно, затруднения были только в недостаточном владении французским языком. Прилично

владає англійським мовою, він без зусиль обшарувався з професором Бернаром, який англійським мовою володів вільно. Теплі стосунки «сотрудників-хазяїв» виражалися в тому, що Вадиму Григор'євичу, розуміючи його важке становище в питаннях французької лінгвістики, дозволяли доповідати його на початку скудні, але отримані самостійно дані, по-англійськи. Усе численні наступні поїздки за кордон в мовному плані давалися значно легше, так як це були міжнародні з'їзди, конгреси, конференції, де англійська була мовою офіційною. Англійським мовою Вадим Григор'євич володів добре. Багато пізніше в час тривалого відвідування різних онкологічних центрів США підійшли і російська, і українська мови, але це було вже в 1979 р.

З професором В. Бернаром у Вадима Григор'євича вже через 2–3 тижні склалися теплі і дуже дружні стосунки. Після Вадима Григор'євича у Бернара на тривалій стажировці, в період року був його співробітник, Лев Александрович Зотиков. В невеличкій кімнаті на одну стипендію проживав і стажировався у Бернара не тільки Лев Александрович, але і його дружина Людмила Григор'євна. З часу стажировки киян Україна стала улюбленим місцем, куди їздив професор Бернар. Так, з 1968 по 1978 р. він їздив в Київ тричі для спілкування з улюбленими (як він говорив) стажерами. В 1978 р. за ініціативою акад. Р.Е. Кавецького був організований радянсько-французький симпозіум по електронній мікроскопії і гистохімії пухлин. Крім В. Бернара в його роботі взяли участь колеги з Москви, Тбілісі і інших міст Радянського Союзу, де в той час вже були створені лабораторії електронної мікроскопії при онкологічних центрах. Серед учасників були академик Н.А. Краєвський зі своїми численними учнями. Симпозіум проходив в Малій залі АН УРСР, програма була дуже наповненою. Блискучим, як завжди, було виступлення академіка Р.Е. Кавецького. Увазі аудиторії було запропоновано багато повідомлень і доповідей по різних аспектах застосування електронної мікроскопії і гистохімії пухлин, в основному — в аспекті даних, отриманих

в процессе изучения канцерогенеза на уровне субклеточных структур. Большой интерес вызвал доклад самого профессора В. Бернара. Оживление в зале вызвал эпизод из доклада, не относящийся, строго говоря, к научным данным, в котором с французской живостью и юмором было поведено, какой ужас обуял сотрудников его лаборатории, когда им сообщили, что к ним едет стажер из Советского Союза — “Медведь из большевистской России”. Паника оказалась недолгой: при знакомстве с ним паника исчезла, а к концу пребывания в лаборатории Вадим Григорьевич стал общим любимцем своих французских коллег.

К сожалению, Киевский симпозиум оказался для В. Бернара последним. Он умер мгновенно от обширного инфаркта прямо по прилете в аэропорту в Южной Америке, где собирался принять участие в очередном научном форуме. Похоронили профессора В. Бернара в родном городе в Швейцарии.

В шестидесятые годы В.Г. Пинчук много времени и усилий прилагает для того, чтобы полученные им во Франции знания по электронно-микроскопическому исследованию опухолевых клеток, сделать достоянием сотрудников своей лаборатории.

В 1969 г. Вадим Григорьевич защитил докторскую диссертацию на тему “Электронно-микроскопическая характеристика клеток в процессе химического канцерогенеза в печени и целлофанового канцерогенеза в почке”. Оригинальный методологический подход позволил автору представить не просто общую схему ультраструктурных изменений печеночной клетки, предшествующих возникновению опухоли, но впервые выдвинуть гипотезу о роли хронического повреждения гранулярного эндоплазматического ретикула гепатоцитов в гепатоканцерогенезе, что позволило говорить о едином звене в цепи общих закономерностей механизмов канцерогенеза.

В это время, в конце 1960-х–1970-х годов, в лаборатории работали такие сотрудники как Б.Д. Монастырская, Л.А. Зотиков, С.И. Черняев, В.М. Андрианов, В.Л. Лифшиц, В.Е. Лихтенштейн, В.В. Никитченко, С.И. Чубченко, С.Г. Снежко, О.В. Юрченко, Л.И. Андрущак, Н.А. Трегубова, А.П. Кравченко, Б.Я. Гольдшмид, им помогали лаборанты высочайшей квалификации Н.И. Гуляй, А.И. Высочанская и др.

В 1971 г. по инициативе академика Р.Е. Кавецкого Киевский научно-исследовательский институт экспериментальной и клинической онкологии МЗ УССР был преобразован в Институт проблем онкологии Академии наук Украины. При реорганизации Института лаборатория электронной микроскопии была преобразована в отдел ультраструктуры опухолевой клетки. Вадим Григорьевич, который к тому времени был уже доктором медицинских наук, стал заместителем директора Института по научной работе. Это было очень трудное и ответственное время в жизни Вадима Григорьевича, так как приходилось вникать в работу и научные направления каждого из отделов Института, а это было далеко не всегда легко и просто. Благодаря трудам своих сотрудников Институт получил широкое признание не только в стране, но и далеко за ее пределами. Основными направлениями его деятельности неизменно оставались: изучение механизмов канцерогенеза и развитие положений, впервые, выдвинутых академиком Р.Е. Кавецким, о взаимоотношениях организма и опухоли.

Академик Р.Е. Кавецкий приобщил Вадима Григорьевича к научно-организационной деятельности, к сотрудничеству и комплексованию со всеми онкологическими научными центрами, кафедрами онкологии Украины и других регионов Союза, учеными-онкологами. В рамках директорских совещаний по многим актуальным вопросам установились тесные контакты между лабораториями и отделами, ведущими учеными Института создавались совместные целевые программы с участием ученых других учреждений.

В 1970 г. Вадим Григорьевич впервые в качестве соавтора участвовал в создании монографии “Пути развития современной онкологии”, посвященной 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности академика Р.Е. Кавецкого. Монография включала публикации ученых Института, крупнейших ученых-онкологов Советского Союза, а также известных ученых из других стран (проф. П. Денуа, директора Института Густава Русси, Париж; проф. О. Костакела, директора Института онкологии, Бухарест, проф. А. Липшица, директора Института экспериментальной медицины, Чили). В дальнейшем

Вадим Григорьевич стал соавтором 15 монографий, в том числе монография “Экспериментальные опухоли печени”, написанной совместно с А.И. Быкорезом в 1979 г. и удостоенной премии АН УССР им. А.А. Богомольца.

28 декабря 1973 г. (в день рождения) Вадима Григорьевича выбирают членом-корреспондентом АН УССР.

В соответствии с существующими международными программами в области борьбы со злокачественными новообразованиями, в 70-е годы Вадим Григорьевич принимает участие в ряде координационных совещаний. В составе делегаций или самостоятельно он посещает международные съезды и симпозиумы, выступает с докладами на международных форумах в Румынии, Италии, Англии, Чехословакии, Швеции.

Опыт, приобретенный Вадимом Григорьевичем при изучении ультраструктуры печеночной клетки, позволил ему приобщиться еще к одной актуальной в то время проблеме — состоянию оргanelл печеночной клетки и их ключевой роли в процессе развития тяжелых патологических состояний, связанных с эндогенными интоксикациями, в том числе обусловленных опухолевой прогрессией, метастазированием и состояниями, являющимися следствиями химио- и/или лучевой терапии. Полученные им и его сотрудниками данные представлены в монографиях “Синдром эндогенной интоксикации” (1979) и “Гемосорбция при лечении острой лучевой болезни” (1983).

В 1970-е годы, под непосредственным руководством академика Р.Е. Кавецкого всем коллективом ученых и научных сотрудников Института проблем онкологии АН УССР, продолжается накопление данных о природе опухолевого процесса и факторах антиканцерогенеза. Сделано очень многое для усовершенствования методов дифференциальной диагностики различных типов опухолей (А.И. Быкорез, К.П. Ганина, З.А. Бутенко), разработаны методы дифференциальной цитохимической диагностики различных форм лейкозов (Д.Ф. Глузман), предложены объективные цитогенетические критерии определения степени злокачественности опухолевых клеток. Были также получены новые данные, подтверждающие значение различных по своей природе

канцерогенных факторов как причины, снижающей защитные силы организма (К.П. Балицкий, Ю.А. Уманский), разработаны новые подходы к химиотерапии, дающие возможность одновременного повышения защитных сил организма (И.В. Касьяненко, И.Т. Кныш). Была создана оригинальная аутовакцина, способная в ряде случаев предотвращать развитие рецидивов и метастазов (Д.Г. Затула). Это лишь краткий перечень достижений на мировом уровне, которые были получены в Институте к моменту трагической для всего научного коллектива даты. В октябре 1978 г. после непродолжительной, но очень тяжелой болезни умер академик Ростислав Евгеньевич Кавецкий.

Это была не просто потеря известного и почитаемого всей онкологической мировой общественностью ученого. Для Вадима Григорьевича это была, прежде всего, личная человеческая трагедия. Это была потеря человека, учителя, которого никто и никогда уже не смог заменить. Мир разделился, как это бывает при крупных потрясениях, на “до” и “после”. После смерти Ростислава Евгеньевича важно было не уронить высокий научный авторитет Института проблем онкологии АН УССР. Вадим Григорьевич вместе с коллективом ученых и сотрудников Института продолжил дело, начатое его Учителем. В сентябре — октябре 1979 г. удалось добиться выхода в свет журнала “Экспериментальная онкология”, основанного Р.Е. Кавецким. Вадим Григорьевич как главный редактор стремился к публикации в новом научно-теоретическом журнале новейших достижений в области экспериментальной и теоретической онкологии, установлению более тесных контактов между учеными, работающими над фундаментальными проблемами злокачественного роста. Членами редколлегии стали виднейшие ученые Советского Союза, они же выступали с программными статьями (Г.И. Абелев, Н.М. Эмануэль, М.О. Раушенбах, Б.Д. Брондз, А.И. Агеенко, Б.Н. Тарусов и др). Основная тяжесть формирования журнала, его научной политики пала на членов редколлегии журнала — ученых Института, особенно, на А.И. Быкореза и Д.Ф. Глузмана. С первого же номера оглавление журнала и резюме печатались на английском языке, что, равно как и публикации содержания каждого номера в “Current contents.

Life Sciences” — сделали его популярным в мире и очень скоро он стал действительно международным журналом. Гордостью коллектива Института и, конечно, Вадима Григорьевича было то, что к моменту выхода журнала статьи авторов — сотрудников Института имели конкретный адрес “Институт проблем онкологии им. Р.Е. Кавецкого АН УССР (R.E. Kavetsky Institute for Oncology Problems, Academy of Sciences of Ukrainian SSR, Kiev)”. На посту главного редактора журнала “Экспериментальная онкология” Вадим Григорьевич был до последнего дня своей жизни. Редакция журнала постоянно пополнялась ведущими учеными из России, Эстонии, Латвии, Армении, Венгрии, Германии, Италии, Канады, США, Всемирной организации здравоохранения. Кроме “Current Contents” журнал стал индексироваться и помещать резюме во многих научно-информационных изданиях мира.

1 декабря 1979 года прошло торжественное собрание сотрудников Института проблем онкологии АН УССР, посвященное памяти его основателя, учителя, большого и талантливого ученого — в этот день академику Р.Е. Кавецкому исполнилось бы 80 лет. Состоялось открытие памятной доски на фасаде здания Института и мемориального музея. Было много людей: сотрудники, ученики, президент АН УССР, вице-президенты, академики, члены семьи академика Р.Е. Кавецкого и просто очень много людей, знавших и любивших его.

К этому дню уже состоялось решение Госкомитета о присуждении Р.Е. Кавецкому с группой учеников, среди которых был и В.Г. Пинчук, Государственной премии в области науки и техники. Однако, оно еще не было подтверждено решением директивных органов и не опубликовано, Вадим Григорьевич пытался доказать, что на мемориальной доске должно быть изменено одно слово: не “Лауреат Государственной премии”, а “Лауреат Государственных премий” (для Ростислава Евгеньевича это была вторая премия), но, как обычно, в сражениях с чиновниками не всегда побеждает истина.

Эта Государственная премия в области науки и техники была присуждена коллективу сотрудников ИПО АН УССР во главе с академиком Р.Е. Кавецким с формулировкой “За исследование механизмов, установление некоторых закономерностей превращения

нормальных клеток в опухолевые и формирование противоопухолевой резистентности организма”. История имеет обыкновение повторяться дважды, и Вадим Григорьевич получил вторую Государственную премию на основании решения того же Госкомитета по Государственным премиям, — но теперь уже по указу Президента Украины также через 3 года после своей смерти. Формулировка гласила, что премия академику Национальной академии наук Украины В.Г. Пинчуку присуждается (посмертно) за цикл работ “Иммунология тимуса, его роль в регуляции иммуногенеза, получение и возможности использования препаратов тимуса (вилочковой железы)”... Именно многоточием заканчиваются строки его посмертного диплома Лауреата Государственной премии.

Эти драматические события произошли почти через 20 лет. А тогда зимой 1978 г. Вадиму Григорьевичу предстояло решить трудный для себя вопрос — прошло всего несколько недель после смерти Ростислава Евгеньевича Кавецкого, — а нужно ли ехать ему в длительную командировку с посещением нескольких крупных научных онкологических центров США.

Решение было принято (не без существенного нажима со стороны) с напоминанием о том, что командировка была запланирована по инициативе Ростислава Евгеньевича. С 28 декабря 1978 г. по 28 февраля 1979 г. Вадим Григорьевич находился в США. Посещение раковых центров началось с Национального ракового института в Бетезде. Затем были университеты штатов Северной Каролины, Техаса, Калифорнии, Огайо и Нью-Йорка. Закончилась поездка в Вашингтоне.

Поездка была насыщенной, особенно удачной с точки зрения знакомства с лучшими онкологическими центрами США, их руководителями, сотрудниками, участием в семинарах, конференциях, симпозиумах, знакомства с достижениями в экспериментальной онкологии. Практически везде его принимали тепло, дружески, окружали вниманием. Было, вероятно, в нем что-то располагающее к себе людей вне зависимости от множества привходящих факторов, которые, казалось бы, могли в большей степени разобщать людей, чем объединять их, но с ним этого никогда не происходило.

Две недели пребывания Вадима Григорьевича в Бетезде ознаменовались знакомством с крупными учеными — профессором Э. Вайбюргером, Урсолой Гейне, Джорджем Саскиндо, с которыми ему предстояло работать в Университете Северной Каролины. Опекала же его д-р Тереза Бен. Отношения установились настолько простыми и теплыми, что “Старый Новый год”, как это было принято в СССР, да и сейчас в Украине, он встречал в украинской семье у племянника д-ра Бен. А через 8 лет, в 1987 г. Тереза Бен с мужем, Константином Беном (родом из Чернигова), посещали Украину, родину предков, и, естественно, были гостями в доме Вадима Григорьевича.

Кроме дней или вечеров — праздников были очень насыщенные и напряженные рабочие дни в лабораториях, знакомство с методиками изучения ультраструктуры печеночной клетки не только в эксперименте, но и в клинической диагностической лаборатории. Первичная диагностика опухолей, их типы, степень трансформации клетки на уровне гистологического исследования пунктатов печени или операционного материала производилась уже через 40 часов после получения этого материала, на уровне электронно-микроскопического исследования — через 72 часа. Степень оснащённости лабораторий оборудованием, уровень технических возможностей подавлял, но не лишал оптимизма. В родных пенатах в 1979 г. тоже уже слышали слово “компьютер”. Но было трудно представить, что весь процесс от результатов анализов в истории болезни до постановки окончательного диагноза с назначением лечения и определением степени его эффективности может уместиться на компьютерном диске, а “библиотека” Ракового центра заполнена подобными дисками с различными методами и методиками диагностики, лечебными программами и т.д. Но Вадим Григорьевич и в Бетезде, и в других научных учреждениях упорно старался понять или, по крайней мере, запомнить принципы таких технологий, что очень ему пригодилось в последующей организационной работе в 1980—1990 годы, когда компьютеризация и программирование стали не слишком быстрыми темпами, но все же проникать в наши отечественные научно-исследовательские институты или, по крайней мере, в их отдельные лаборатории и отделы.

На Вадима Григорьевича произвели сильное впечатление встречи в Университете Дюк штата Северная Каролина в экспериментальном отделе, возглавляемом доктором Хенкером. Именно там в отделе патологии доктора Е. Боссена он познакомился с колоссальным по нашим меркам объемом работы: патологоанатомическими, гистологическими и электронно-микроскопическими исследованиями. Лаборатория, благодаря полной автоматизации подготовки материала, обслуживает госпиталь на 900 коек. Препараты готовят 10–15 лаборантов. Готовый препарат вначале смотрит стажер — (резидент), затем *seignior* (старший научный сотрудник по нашей квалификационной шкале) и только после этого для окончательного вердикта показывают профессору те препараты, в трактовке которых у исследователей возникли и остались сомнения. В высоко научной безукоризненной технологии практически заложена система Форда — конвейер с максимальной отдачей труда.

Познакомился он и с работой гематологической клиники доктора Мура (J. Moore). Большое впечатление производили сепараторы для выделения незрелых клеток.

В Раковом центре Университета Дюк Вадим Григорьевич познакомился с работой гематологической клиники профессора Ласло (Laszlo). Отличие от клиники Мура — пересадка костного мозга, полученного у больных в период ремиссии, подвергнутого программному замораживанию с ДМСО и хранящемуся в жидком азоте. Перед пересадкой больные помещаются в палаты с подачей стерильного воздуха, в момент аутотрансплантации доступ к ним и общение с ними прекращается. Теперь эти методы используют многие врачи в наших клиниках, но в те времена это было новым и необычным.

В этом же Раковом центре Университета Северной Каролины Вадим Григорьевич познакомился с докторами Дж. Пагано и Дж. Гриффитсом, молекулярными биологами, работающими в области гибридизации структуры ДНК, моделирования ДНК-вирусов — сотрудниками группы Эпштейна–Барр.

В Техасе Вадим Григорьевич знакомился с работой Университета Райс (Rice University), его патогистологическим отделом, отделом общей патологии, лабораторией опухолевой трансформации клетки. В этой лаборатории доктор Томас Альбрехт и доктор

Джин Ли познакомили его с экспериментами по опухолевой трансформации фибробластов человеческой кожи в культуре ткани под влиянием химических канцерогенов, РНК- или ДНК-вирусов, инфицирования цитомегаловирусом.

В Калифорнии очень интересным оказалось неожиданное знакомство с профессором Виллсом из Скофилда (Англия), который на семинаре в Peralta Cancer Institute (Университет Беркли) сделал доклад о состоянии медицины в Англии.

Плодотворным было знакомство с онкоиммунологами Университета Калифорнии в Лос-Анжелесе (UCLA) и Университета Южной Калифорнии (USC) профессором Э.М. Гарднером и профессором С. Рашид. В лаборатории доктора С. Рашид Вадим Григорьевич участвовал в работе семинара “Модельные системы вирусов”. Во многих центрах его просили рассказывать о работах ученых Института проблем онкологии, выражали глубокое сочувствие в связи со смертью Р.Е. Кавецкого.

В Университете штата Огайо (Тоledo), в Медицинском колледже у доктора Бадда Вадим Григорьевич ознакомился с оригинальными методиками автордиографии, в том числе и количественными, которые оказались вполне подходящими для воспроизведения в условиях отечественных лабораторий. Во время чтения лекций студентам Вадимом Григорьевичем заинтересовалась радиовещательная компания и местное телевидение (Public broadcast et TV-24), просили выступить и по радио, и в телевизионной программе на любую тему, которую он предложит. Когда он уезжал из Киева, ему в Президиуме АН УССР вручили номер телефона советника по культуре при Представительстве Украины в ООН Геннадия Иосифовича Удовенко с напутствием о том, чтобы по пустякам его не беспокоить. В данном случае Вадим Григорьевич решил, что это не пустяк, и решил с ним посоветоваться. Дозвониться далее, чем до секретаря, ему долго не удавалось, но когда он сказал, что до выступления ему осталось пару часов, его соединили с Геннадием Иосифовичем, и тот любезно сказал, что он может выступать на любую интересующую слушателей и зрителей тему. Слушателей и зрителей интересовали вопросы о получении высшего образования в СССР, о положении

онкологической науки и медицинской помощи онкологическим больным. С первым вопросом (это было выступление по радио) Вадим Григорьевич справился сравнительно легко и достойно, так как положение о конкурсном допуске к высшему образованию американцам во все времена было понятно. Сложнее им было понять, что высшее образование может быть бесплатным, а студенты могут получать стипендию. По вопросу о медицинской помощи онкологическим больным было интервью по телевидению. Пришлось проявить максимум дипломатических способностей, в том числе и интервьюеру, который оказался деликатным и лояльным журналистом. И, если мало что можно было сказать об использовании тогда уже широко применяемых схем терапии, то ответ на вопрос об оплате лечения опять-таки всех восхищал. Коллеги-то понимали все, не обременяя гостя излишним любопытством, но вот радиослушатели и телезрители штата Огайо остались удовлетворены ответами советского ученого.

Итог поездки оказался выигрышным в том смысле, что Вадим Григорьевич получил представление о современном состоянии науки при непосредственном общении с многими крупными учеными-онкологами и не только в вопросе изучения ультраструктуры опухолевой клетки, но и в самом широком диапазоне проблем экспериментальной и клинической онкологии. Это было тем более важно, что по возвращению из США 28 февраля 1979 г. он узнал, что назначен директором Института проблем онкологии АН УССР.

В американской университетской науке существует традиция — каждый ученый имеет возможность раз в году выбрать для участия в научном форуме любой центр, будь то в соседнем штате, той или иной стране или на другом континенте. В октябре 1979 г. директор Института экспериментальной медицины АМН СССР академик Б.А. Лапин проводил международный симпозиум по лейкозологии. Многие американские коллеги Вадима Григорьевича и Зои Андреевны Бутенко, которая двумя годами раньше также посетила несколько научных центров США, выбрали для себя “научным путешествием года” Пицунду, и нисколько не пожалели об этом. Примечательным событием Симпозиума было чествование на нем профессора Энтони Эпштейна в связи с его шестидесятилетием.

После возвращения из США на заседании Бюро отделения Академии наук Украины Вадим Григорьевич подал академику-секретарю ходатайство об учреждении Президиумом Академии наук ежегодной премии имени Р.Е. Кавецкого за выдающиеся работы в области экспериментальной и клинической онкологии (дата регистрации документа 22.02.79 г.). Вопрос решался чрезвычайно долго, воплотить в жизнь его удалось только новому руководству Института (директор Института — член-корреспондент НАН Украины В.Ф. Чехун).

Возглавляя Институт, Вадим Григорьевич, прежде всего, считал своей задачей развитие созданного академиком Р.Е. Кавецким учения о взаимодействии организма и опухоли. В 1980—1990-е годы под его руководством и с его участием проводилось изучение ультраструктуры и гистогенеза экспериментальных опухолей желудка и молочной железы, злокачественных опухолей почки, различных типов сарком, опухолей предстательной железы, гемобластозов. Он возглавлял новые научные направления по автоматизации цитологических исследований в онкологии, развитию современных иммуногистохимических методов и применению их в диагностике опухолей. Результаты исследований, нашедшие международное признание, обобщены в монографиях “Патологическая анатомия и ультраструктура нодозной гиперплазии и рака предстательной железы” (1977), “Лимфоциты и опухолевый рост” (1982), “Современные методы автоматизации цитологических исследований” (1988), “Иммуноцитохимия и моноклональные антитела в онкогематологии” (1990), “Структура тимуса и дифференцировка Т-лимфоцитов” (1991), главе в руководстве “Ультраструктура и гистохимия нормальных и опухолевых клеток” (1980).

Проведенные под непосредственным руководством Вадима Григорьевича исследования нашли отражение в опубликованной в 1986 г. в США коллективной монографии “Cancer, Stress and Death”, послужили основой для создания новых представлений о клеточных основах канцерогенеза (монография “Клонально-селекционная концепция опухолевого роста”, 1987).

Проводятся традиционные для Института научные конференции, симпозиумы, а также контакты с учеными страны и меж-

дународные связи. Руководимый академиком НАН и АМН Украины В.Г. Пинчуком Институт приобрел мировую известность как единственный в странах СНГ центр, где на мировом уровне изучаются молекулярные и клеточные механизмы канцерогенеза и лейкозогенеза, проблемы биологии раковой клетки, противоопухолевой резистентности организма и решаются другие важные вопросы экспериментальной и теоретической онкологии.

В апреле 1986 г. произошла самая крупная и страшная по своим последствиям техногенная катастрофа — авария на 4-ом блоке Чернобыльской атомной электростанции. Очень скоро деятельность многих отделов Института и, в первую очередь, отдела радиобиологии полностью переключаются на изучение механизмов биологического действия малых доз ионизирующей радиации. Была создана экспериментальная база с виварием и лабораториями непосредственно в Чернобыле. Сотрудники работают самоотверженно. Обрабатываются данные огромного количества экспериментов. Образуется новая устойчивая творческая связь ученых Института проблем онкологии и радиобиологии с Институтом ядерных исследований НАН Украины, в котором производятся тысячи замеров доз и уровней радионуклидных загрязнений. Исследуются пробы воздуха, воды, почвы, пищевые продукты, просчитываются, по возможности, индивидуальные дозы и рассчитываются коллективные дозы для контингентов людей, находящихся в разных условиях лучевой нагрузки при постоянном действии на них внешнего облучения, связанного с загрязнением ядерными материалами больших территорий, и внутреннего облучения от накапливающихся в организме радионуклидов.

Для Вадима Григорьевича проблема изучения биологического действия ионизирующих излучений не была новой, так как с этим были связаны его первые научные исследования в годы аспирантуры.

В течение последних 10 лет Вадим Григорьевич возглавлял проводимые в Институте исследования по изучению отдаленных последствий постоянного действия малых доз ионизирующей радиации на организм животных и человека. При нем были получены принципиально новые, не укладывающиеся в рамки

классической радиобиологии, данные, касающиеся механизмов радиационного канцерогенеза. В изучении и решении этих проблем Институт экспериментальной патологии, онкологии и радиобиологии достиг определенных высот. Изучение особенностей радиационного канцерогенеза при патологии, которая учеными Института была названа “Чернобыльским синдромом”, показало, что частота возникновения новообразований у экспериментальных животных, содержащихся в Чернобыле, была выше, коэффициент множественности (наличие двух и более опухолей у одного экспериментального животного) был большим, чем в контрольной группе. Некоторые злокачественные новообразования — опухоли щитовидной железы, надпочечников, тимуса, лимфатических узлов средостения, ранее не встречались у данного вида экспериментальных животных (беспородных крыс разведения ИЭПОР им. Р.Е. Кавецкого) в доаварийный период. Данные этих экспериментов на несколько лет опередили сроки регистрации дополнительных случаев опухолей щитовидной железы у детей. Эти приоритетные для изучения Чернобыльской аварии данные были опубликованы в 1989 г. в первой, подготовленной сотрудниками НАН Украины, монографии “Радиационные аспекты Чернобыльской аварии (экологические и радиобиологические проблемы)”. Эти же материалы были доложены на I-ом съезде радиобиологов в Москве в 1989 г. Более полно и концептуально материалы изложены в работах В.Г. Пинчука и его сотрудников (В.В. Никитченко, Б.Я. Гольдшмид, О.В. Юрченко, А.И. Липская) и монографии “Радиобиологические аспекты аварии на Чернобыльской АЭС” в соавт. с Я.И. Серкизом, Л.Б. Пинчук, Н.А. Дружиной, Г.Г. Пуховой (1992), которая в 1994 г. была переведена на немецкий язык издательством Elba-Dniper-Verlag. С 1995 по 1997 гг. основные труды ученых, посвященные медико-биологическим аспектам Чернобыльской катастрофы, опубликованы в труде “Чернобыльская катастрофа”, вышедшем в свет на русском, украинском и английском языках под ред. академика В.Г. Барьяхтара. Членами редколлегии этого издания были академики И.Н. Вишневецкий, Ю.И. Кундиев, В.Г. Пинчук, В.М. Шестопалов, Э.В. Собонович.

Будучи заместителем Председателя постоянно действующей комиссии Президиума НАН Украины, Вадим Григорьевич много времени и сил отдавал организации работ на преодоление последствий аварии на ЧАЭС. В Институте в отделе проф. В.Г. Николаева были созданы и испытаны первые отечественные аппараты для гемосорбции, сорбенты нового поколения, которые были применены для лечения пострадавших в результате Чернобыльской катастрофы. Вадим Григорьевич много сделал для установления прочных связей с крупными научными центрами и развития международного сотрудничества в области возможных онкологических последствий аварии на ЧАЭС.

Вадим Григорьевич постоянно занимался общественной деятельностью и вел большую научно-организационную работу. Он был председателем Координационного совета НАН Украины “Злокачественные новообразования”, членом Совета директоров институтов онкологии, радиологии и рентгенологии стран СНГ, председателем специализированных советов по защите докторских диссертаций по специальностям “онкология” и “радиобиология”. В течение многих лет он работал заместителем академика-секретаря Отделения молекулярной биологии, биохимии, экспериментальной и клинической физиологии НАН Украины. В течение многих лет был главным редактором международного научного журнала “Экспериментальная онкология”, членом редколлегии журнала “Anticancer Research” и редсовета журнала “Вопросы онкологии”.

Вадим Григорьевич ушел от нас 29 марта 1996 года. Кратко изложенные страницы его биографии составлены по архивам семьи Пинчуков-Чудаковых, личным воспоминаниям, записям и ежедневникам Вадима Григорьевича.

Л.Б. ПИНЧУК

ПОКАЖЧИК МОНОГРАФІЙ В. Г. ПІНЧУКА

1. Пути развития современной онкологии / Н.Н. Александров, К.П. Балицкий, Н.Н. Блохин... В.Г. Пинчук и др. — Киев: Здоров'я, 1970. — 298 с.
2. *Быкорез А.И., Пинчук В.Г.* Экспериментальные опухоли печени (моделирование, морфогенез, ультраструктура) / Отв. ред. Р.Е. Кавецкий. — Киев: Наук. думка, 1976. — 279 с.
3. *Бялик В.В., Пинчук В.Г.* Патологическая анатомия и ультраструктура нодозной гиперплазии и рака предстательной железы. — Киев: Наук. думка, 1977. — 165 с.
4. Проблемы канцерогенеза и антиканцерогенеза / Р.Е. Кавецкий, З.А. Бутенко, Е.П. Сидорик, В.Г. Пинчук и др. — Киев: Наук. думка, 1979. — 164 с.
5. *Уманский М.А., Пинчук Л.Б., Пинчук В.Г.* Синдром эндогенной интоксикации. — Киев: Наук. думка, 1979. — 204 с.
6. *Уманский Ю.А., Пинчук В.Г.* Лимфоциты и опухолевый рост. — Киев: Наук. думка, 1982. — 265 с.
7. Гемосорбция при лечении острой лучевой болезни / К.С. Терновой, Л.Б. Пинчук, В.Г. Николаев... В.Г. Пинчук и др.; Под ред. К.С. Тернового. — Киев: Наук. думка, 1983. — 187 с.
8. Клонально-селекционная концепция опухолевого роста / Ю.Б. Вахтин, В.Г. Пинчук, И.Н. Швембергер, З.А. Бутенко / Под общ. ред. В.Г. Пинчука. — Киев: Наук. думка, 1987. — 215 с.
9. *Исаков В.Л., Пинчук В.Г., Исакова Л.М.* Современные методы автоматизации цитологических исследований. — Киев: Наук. думка, 1988. — 213 с.
10. Ростислав Евгеньевич Кавецкий: Биобиблиография / Сост. П.М. Шкатула; Автор вступ. статьи В.Г. Пинчук; Отв. ред. В.Г. Пинчук. — Киев: Наук. думка, 1988. — 87 с.
11. Иммуноцитохимия и моноклональные антитела в онкогематологии / В.Г. Пинчук, Д.Ф. Глузман, В.А. Надгорная и др.; Под общ. ред. В.Г. Пинчука, Д.Ф. Глузмана. — Киев: Наук. думка, 1990. — 281 с.
12. *Ярилин А.А., Пинчук В.Г., Гриневич Ю.А.* Структура тимуса и дифференцировка Т-лимфоцитов. — Киев: Наук. думка, 1991. — 244 с.

КНИГИ, ЯКІ ВИЙШЛИ ЗА РЕДАКЦІЄЮ В.Г. ПІНЧУКА

1. Цитохимия и электронная микроскопия клеток крови и кроветворных органов / З.А. Бутенко, Д.Ф. Глузман, К.П. Зак и др.; Отв. ред. В.Г. Пинчук. — Киев: Наук. думка, 1974. — 247 с.
2. *Николаев В.Г., Стрелко В.В.* Гемосорбция на активированных углях / Отв. ред. В.Г. Пинчук. — Киев: Наук. думка, 1979. — 288 с.
3. *Ганина К.П.* Цитогенетическая диагностика в онкоморфологии / Отв. ред. В.Г. Пинчук. — Киев: Наук. думка, 1980. — 176 с.
4. Ультрарантура и гистохимия нормальных и опухолевых клеток / Под ред. Н.А. Краевского, В.Г. Пинчука, Н.Т. Райхлина. — Киев: Наук. думка, 1980. — 140 с.
5. *Р.Е. Кавецкий.* Реактивность организма и опухолевый рост: Избранные труды / Отв. ред. В.Г. Пинчук. — Киев: Наук. думка, 1981. — 429 с.
6. *Быкорез А.И., Иващенко Ю.Д.* Экспериментальные опухоли желудка / Отв. ред. В.Г. Пинчук. — Киев: Наук. думка, 1982. — 316 с.
7. *Глузман Д.Ф., Сидоренко С.П., Надгорная В.А.* Цитохимия и иммуноцитология злокачественных лимфопролиферативных заболеваний / Отв. ред. В.Г. Пинчук, Ю.А. Уманский. — Киев: Наук. думка, 1982. — 240 с.
8. *Бердинских Н.К.* Белоксинтезирующий аппарат клеток при опухолевом росте / Отв. ред. В.Г. Пинчук. — Киев: Наук. думка, 1983. — 176 с.
9. *Бутенко З.А., Барановский М.А., Науменко О.И.* Лейкозные клетки: происхождение, ультрарантура, дифференцировка / Отв. ред. В.Г. Пинчук. — Киев: Наук. думка, 1984. — 216 с.
10. *Затула Д.Г.* Микроорганизмы. Рак и противоопухолевый иммунитет / Отв. ред. В.Г. Пинчук. — Киев: Наук. думка, 1985. — 248 с.
11. Стволовые клетки и опухолевый рост / Отв. ред. В.Г. Пинчук, З.А. Бутенко. — Киев: Наук. думка, 1985. — 255 с.
12. *Балицкий К.П., Шмалько Ю.П.* Стресс и метастазирование злокачественных опухолей / Отв. ред. В.Г. Пинчук. — Киев: Наук. думка, 1987. — 248 с.

13. *Жаврид Э.А., Осинский С.П., Фрадкин С.З.* Гипертермия и гипергликемия в онкологии / Отв. ред. В.Г. Пинчук. — Киев: Наук. думка, 1987. — 256 с.
14. Эмбриональное кроветворение и гемобластозы у детей (иммуноцитология и цитохимия) / Д.Ф. Глузман, В.Г. Бебешко, В.А. Надгорная и др.; Отв. ред. В.Г. Пинчук. — Киев: Наук. думка, 1988. — 200 с.
15. *Гусев А.Н., Сигал В.Л., Осинский С.П.* Теплофизические модели гипертермии опухолей / Отв. ред. В.Г. Пинчук — Киев: Наук. думка, 1989. — 176 с.
16. *Сидорик Е.П., Баглей Е.А., Данко М.И.* Биохемиллюминесценция клеток при опухолевом процессе / Отв. ред. В.Г. Пинчук. — Киев: Наук. думка, 1989. — 220 с.
17. *Шевченко И.Н., Даниленко А.И.* Природная β -радиоактивность растений, животных и человека / Отв. ред. В.Г. Пинчук. — Киев: Наук. думка, 1989. — 208 с.
18. *Билынский Б.Т., Володько Н.А., Шпарык Я.В.* Иммунологические механизмы естественной противоопухолевой резистентности / Отв. ред. В.Г. Пинчук. — Киев: Наук. думка, 1991. — 246 с.
19. *Булкина З.П.* Противоопухолевые препараты: Справочник / Отв. ред. В.Г. Пинчук. — Киев: Наук. думка, 1991. — 304 с.
20. Иммуноцитохимическая диагностика злокачественных экссудатов / Д.Ф. Глузман, И.В. Абраменко, Л.М. Скляренко, Г.В. Писнячевская; Отв. ред. В.Г. Пинчук. — Киев: Наук. думка, 1993. — 172 с.
21. *Потебня Г.П., Лисовенко Г.С., Кривенко В.В.* Клиническая и экспериментальная иридология / Отв. ред. В.Г. Пинчук. — Киев: Наук. думка, 1995. — 262 с.
22. Чернобыльская катастрофа / Гл. ред. В.Г. Барьяхтар; Ред. совет: В.Г. Барьяхтар, Г.А. Готовчиц, Д.М. Гродзинский, В.Г. Пинчук и др. — Киев: Наук. думка, 1995. — 559 с.

ЗМІСТ

Б.Є. Патон	
ПЕРЕДМОВА	5
В.Ф. Чехун	
ВІДДАНІСТЬ ІДЕАЛАМ НАУКИ. Життєвий і творчий шлях В.Г. Пінчука	7
Ю.І. Кундієв	
ТАЛАНОВИТИЙ ВЧЕНИЙ, ІНТЕЛІГЕНТНА ЛЮДИНА.....	14
Л.Г. Розенфельд	
ПАМ'ЯТИ ДРУГА.....	17
Е.А. Баглей	
НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ.....	23
Н.М. Бережная	
УЧЕНЫЙ-РОМАНТИК.....	26
Ю.Г. Виленский	
ВАДИМ ПИНЧУК НА ЭКРАНЕ ЭПОХИ.....	29
Д.Ф. Глузман	
МГНОВЕНИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА	32
Ю.А. Гриневич	
МНЕ ВЕЗЛО НА ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ	39
И.В. Касьяненко	
“ЧУМАЦЬКИЙ ШЛЯХ” ВАДИМА ПИНЧУКА.....	42
В.Г. Николаев	
СЛАВНЫЙ ЧЕЛОВЕК — ВАДИМ ГРИГОРЬЕВИЧ ПИНЧУК.....	52
С.П. Осинский	
УМЕНИЕ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ	54
Н.А. Трегубова	
ОН БЫЛ НАШИМ УЧИТЕЛЕМ	60
Л.Б. Пинчук	
СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ	63
Показчик монографій В.Г. Пінчука та книг, які вийшли за його редакцією	90

**АКАДЕМІК
ВАДИМ ГРИГОРОВИЧ
ПІНЧУК**

Спогади колег, рідних, друзів, учнів

Здано до набору 14.11.05. Підписано до друку 08.12.05. Формат 60×84 1/16.
Папір крейдований. Друк офсетний. Умов.-друк. арк. 5,58. Наклад 300 прим.

Видавництво "ДІА", 03022, Київ-22, вул. Васильківська, 45.

Для нотаток
